

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

**Законодательство
о религии
в СССР**

УМСА - PRESS

ПАРИЖ

И. Р. ШАФАРЕВИЧ

Законодательство
о религии
в С С С Р

Доклад Комитету прав человека

YMCA - PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève. Paris (5e).

Шафаревич Игорь Ростиславович. Родился в 1923 году — математик, специалист по алгебре, член-корреспондент Академии Наук СССР с 1958 г., Лауреат Ленинской премии. 20 мая 1971 года вошел в Комитет по защите прав человека и является ближайшим сотрудником Председателя этого Комитета академика Сахарова.

ВВЕДЕНИЕ

Цель этого доклада — изучение законодательства, определяющего положение религии в СССР. Источники, которыми мы пользовались, распадаются на две группы. ПЕРВУЮ ГРУППУ составляют законы, инструкции, постановления и циркуляры, регламентирующие религиозную жизнь в Советском Союзе.

Автору представляется, однако, что основным критерием для суждения о законе является то, как он влияет на жизнь. Поэтому мы должны были привлечь ВТОРУЮ ГРУППУ источников, в которых сообщаются факты, характеризующие применение законодательства о религии, а также факты религиозной жизни, важные для оценки этого законодательства.

В то время как источники первой группы в основном доступны (о некоторых важных исключениях сказано в конце доклада), автор встретился с очень большими трудностями при попытке представить себе практику применения законодательства о религии или узнать конкретные факты религиозной жизни. Например, не удалось найти ни одного источника — ни государственного, ни церковного, — в котором сообщались бы такие основные сведения, как число открытых сейчас православных церквей или численность православного духовенства. В «Настольной книге атеиста» можно узнать, что в городе Лубумбаши государства Конго (Кин-

шаса) проживает 2 тысячи православных или что в государстве Сьерра-Леон имеется около 3-х тысяч членов мусульманской секты ахмедийя, но числа православных или мусульман в Советском Союзе в этой книге нет. Трудности возникают по самым неожиданным поводам. Даже тираж «Журнала Московской Патриархии» нам не удалось узнать — почему-то на журнале тираж не обозначен.

В докладе используются сообщения из советских газет и журналов, атеистической литературы, выступлений советских и церковных деятелей, «Журнала Московской Патриархии», открытых писем и заявлений духовенства и верующих. Но и все доступные автору источники дают лишь очень неполную и отрывочную картину. К тому же автор не располагает никакими возможностями для проверки приводимых в них фактов. Только то, что часто они сообщают близкие или хорошо согласующиеся сведения, может служить косвенным их подтверждением *). Дальше мы не раз встретимся и с такой ситуацией, что рассмотрение закона обнаруживает в нем существенный дефект и одновременно имеются сообщения о злоупотреблениях при применении этого закона. Такое совпадение всегда вызывает серьезные опасения. Автору представляется, что во всех подобных случаях необходимо тщательное и гласное расследование.

Среди всех пробелов, имеющих в этом докладе, следует особенно отметить две громадные области, оставшиеся совершенно не затронутыми. Во-первых, почти все сообще-

*) Например, в атеистической брошюре «Правда о Петербургских 'святынях'», изданной в 1962 г., автор утверждает, что в то время в СССР было 11,5 тыс. действующих православных церквей, не указывая, из какого источника ему стали известны эти сведения. Это лишает нас возможности судить об их достоверности. Но когда близкие цифры сообщают священники Н. Н. Эшлиман и Г. П. Якунин и группа верующих из Кировской области, то мы можем принять эти сведения с большим доверием.

ния о фактах, приводимые в докладе, относятся к положению Русской Православной Церкви. Это произошло лишь потому, что такой материал был более доступен автору. Автор отнюдь не предполагает, что возникающие здесь проблемы не встают перед другими верующими — ведь законодательство не выделяет особо какое-либо одно вероисповедание. Однако, их положение несомненно имеет свою специфику. Изучение положения в других религиозных течениях, в особенности тех, которые объединяют меньшее число верующих — таких, как Старообрядцы, Униаты, Евангельские Христиане, Баптисты, Пятидесятники и другие, представляется исключительно важным.

Во-вторых, мы рассматриваем всю проблему только в том виде, в каком она сложилась в настоящий момент, почти нигде не углубляясь в прошлое дальше начала 60-х годов. История религиозной жизни в Советском Союзе, без которой не может быть полностью понято и современное положение религии, осталось целиком за пределами доклада.

В процессе работы над этим докладом, автор все более убеждается в том, какая серьезная проблема стоит в этой области перед всем нашим обществом. Любой вопрос тем более усложняется, чем дольше откладывается его обсуждение и решение. Особенно же это опасно, если речь идет о таком основном для каждого народа вопросе, как условия его религиозной жизни. Только поэтому доклад публикуется в теперешнем, явно недостаточном виде, в надежде, что дальнейшее обсуждение и изучение всей этой проблемы восполнит его пропуски и недостатки.

1. СОЗДАНИЕ И ЛИКВИДАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЫ.

§ 1. Создание религиозной общины. Законы и инструкции.

Основные законы о религии в Советском Союзе это Декрет, принятый Советом Народных Комиссаров 23 января 1918 г. (1)* и Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. (2). Далее мы будем их цитировать как «Декрет» 1918 г. и «Постановление» 1929 г. Они были дополнены инструкциями (3) и (4), которые мы будем цитировать как «Инструкции» 1931 г. и 1961 г.

Вот что они говорят о создании религиозного общества.

«Декрет» 1918 г. не предусматривает особой процедуры для основания религиозной общины:

«10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах...»

В «Постановлении» 1929 г. впервые упоминается особая процедура регистрации, которую религиозная община должна пройти прежде, чем она начнет существовать:

«4. Религиозное общество и группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь после регистрации общества и группы верующих в комиссии по вопросам религии районного исполнительного комитета...»

Ходатайство о регистрации должно быть подписано не менее чем 20 совершеннолетними верующими, составлено по предписанной форме и передано в Исполком районного или

*) Цифры в скобках относятся к библиографии в конце доклада.

городского Совета с приложением некоторых документов. Решение о регистрации принимается Исполкомом областного или краевого Совета при согласовании с Советом по делам религиозных культов (ср. «Инструкция» 1961 г., §§ 19 и 22, «Постановление», § 5).

Регистрирующие органы обязываются в течение месяца со дня подачи заявления или зарегистрировать общество или сообщить об отказе в регистрации («Постановление» 1929 г., § 7). Ни «Инструкция» 1961 г., ни изданная в 1968 г. «Инструкция о регистрации религиозных объединений» (5) уже не предъявляют никаких подобного рода требований к регистрирующему органу.

Уже здесь мы сталкиваемся с основным вопросом: какие причины могут вызвать отказ в регистрации?

В «Постановлении» 1929 г. и в «Инструкции» 1931 г. о таких причинах ничего не говорится. Это дает основание предполагать, что «Постановление» 1929 г. рассматривает регистрацию как чисто фиксирующий акт, подобный, например, регистрации рождения или смерти. Тогда отказ, предусмотренный цитированным выше § 7 «Постановления», может иметь причиной лишь неполноту поданных документов. Но этому противоречит § 23 «Инструкции» 1961 г.

«Не подлежат регистрации религиозные общества и группы верующих, принадлежащие к сектам, вероучение которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, истинноправославные христиане, истинноправославная церковь, адвентисты-реформисты, мурашковцы и т. п.»

Буквы «и т. п.» указывают, повидимому, на то, что здесь мы не имеем полного списка вероучений, принадлежность к которым может служить основой для отказа в регистрации. И действительно, Л. Ф. Ильичев (6) прибавляет к списку вероучений, запрещаемых законом, униатов. С другой стороны, нигде не упоминается о существовании полного списка. Может быть, этим высказывается лишь общий принцип, на основании которого следует принимать решение о регистрации? Тогда он высказан так неопределенно, что вряд ли может служить руководством. Как, например, следует

понимать термин «секта»? Являются ли униаты и истинно-православная церковь сектами и почему? В чём заключается изуверский и антигосударственный характер их вероучения? Нигде в инструкции нет разъяснения ни термина «антигосударственный», ни «изуверский». Надо ли понимать связывающий их союз «и» (а не «или»), как это принято в юридических документах, в виде указания на то, что лишь наличие обоих признаков может служить основанием для отказа в регистрации?

В «Инструкции» 1961 г. нигде не сказано, что **только** «антигосударственный и изуверский» характер учения может послужить поводом для отказа в регистрации.

Такой вывод можно сделать из слов Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР:

«Религиозному объединению может быть отказано в регистрации, если цели и методы его деятельности, вероучение и исполнение обрядов сопряжены с нарушением законов или с посягательством на личность и права граждан» (7). Однако подобных положений нет ни в инструкциях, ни тем более в законодательстве.

Мы видим, что в законодательстве нет четкого определения тех признаков, которые могут препятствовать регистрации религиозной общины.

Получив уведомление о регистрации, члены религиозной общины могут сойтись на собрание и избрать из своей среды исполнительный орган для управления делами общины. Процедура этого избрания подвержена регламентации, которую очень трудно согласовать с идеей отделения церкви от государства.

Прежде всего само собрание может быть создано лишь с разрешения Исполкома районного или городского Совета («Постановление» 1929 г., § 12, «Инструкция» 1961 г., § 9а). Затем предписывается, чтобы выборы производились открытым голосованием, чтобы исполнительный орган состоял из трех человек, а ревизионная комиссия — не более, чем из трех человек («Постановление» 1929 г., § 13, «Инструкция» 1961 г., § 4).

Но и выполнение всех этих условий не гарантирует санкционирования органами власти избранного исполнительного органа:

«Исполкомы местных органов власти имеют право отвода отдельных лиц из состава членов исполнительного органа и ревизионной комиссии» («Постановление» 1929 г., § 14).

«Инструкция» 1961 г. к этому добавляет:

«Этого права не имеют служители культа и религиозные центры» (§ 4).

Вся эта жесткая регламентация очевидно противоречит цитированной нами точке зрения «Декрета» 1918 г., согласно которому религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах.

Хотя выборы исполнительного органа строго регламентированы, возможность отвода не подчинена никаким ограничениям. Ни в «Постановлении» 1929 г., ни в «Инструкциях» 1931 г. и 1961 г. нет никаких указаний на то, какие причины могут быть основанием для отвода, равно как и на то, что эти причины должны быть сообщены верующим. Никак не фиксирована процедура принятия решения об отводе: могут ли при этом присутствовать представители верующих, могут ли они высказывать свои соображения? Не предусмотрена и никакая процедура оспаривания решения об отводе.

Верующие, составляющие религиозную общину, могут получить от Исполкома районного или городского Совета молитвенное здание в бесплатное пользование или пользоваться для молитвенных собраний помещениями, предоставляемыми частными лицами или органами власти на правах аренды («Постановление» 1929 г., § 10, «Инструкция» 1961 г., § 29). Предусмотрена и возможность строительства молитвенного здания («Постановление» 1929 г., § 45).

Право общины на регистрацию никак не связано с обладанием молитвенным зданием и поэтому отсутствие подходящего для этих целей здания не может служить мотивом отказа в регистрации. Что такой связи нет, видно уже из приведенных указаний на возможность аренды или строительства молитвенного здания. В «Инструкции» 1931 г. говорится:

«Зарегистрированная община обязана в месячный срок со дня регистрации представить регистрирующему органу сведения о месте молитвенных собраний и заседаний их исполнительных органов, а в случае отсутствия у них специального помещения для молитвенных собраний также и сведения о месте собраний религиозного общества или группы» (§ 33).

Так же и в разделе о закрытии молитвенных зданий («Постановление» 1929 г., § 40) явно выражено отсутствие связи между регистрацией и обладанием молитвенным зданием.

Но в разделе о регистрации религиозной общины этот принцип нигде явно не сформулирован, а фразы вроде «заключение... по вопросу регистрации религиозного объединения и открытия молитвенного дома» («Инструкция об учете религиозных объединений» (5), § 2в, «Инструкция» 1961 г., § 19) — использование союза «и» — могут создать неправильное представление о связанности этих двух актов. Практические последствия этого мы увидим.

Следует указать на важную положительную сторону законодательства в разбираемом вопросе. Оно не возлагает на регистрирующие или любые другие государственные органы бремя решения вопроса о том, есть ли необходимость в создании религиозной общины или же в приобретении ею молитвенного здания. Это вполне соответствует принципу отделения церкви от государства: орган атеистического государства не может судить о нуждах религиозной общины. Единственное, что необходимо — это пожелание, высказанное достаточным числом верующих, и то, чтобы их учение удовлетворяло некоторым условиям (к сожалению, не сформулированным точно). Неукоснительное применение этого принципа было бы очень важно.

§ 2. Создание религиозной общины. Из сообщений о практике

В предшествующем параграфе мы обратили внимание на нечеткость, расплывчатость документов, регламентирующих создание религиозной общины. Естественно, что тем самым

создается возможность произвола в истолковании этих документов. Чтобы дать представление о том, к каким практическим последствиям это приводит, мы попытаемся оценить колебания числа православных церквей за последние десятилетия.

В 1917 г. в России было 55 173 православных церкви. Эти данные Синода приводит, например, *Encyclopedia Britanica*. Современный источник (8) приводит цифру 78 767, по видимому, причисляя к церквям и часовни, которых было около 25 000. В 1941 г. информационный бюллетень Советского посольства в Лондоне *The Russian News Service* за 22 августа 1941 г. сообщил о 8 338 культовых зданиях в СССР, из них 4 225 православных. Важно отметить, что эти цифры уже включают те церкви, которые были в западных областях Украины и Белоруссии и в Молдавии, вновь присоединенных к СССР в 1939 г. Поэтому последующее увеличение числа церквей связано только с открытием новых церквей.

Уже в 1949 г. председатель комитета по делам Русской Православной Церкви говорит о 22 000 православных церквей (9). В 1969 г. близкая цифра в 20 000 была сообщена Всемирному совету церквей (10).

Таким образом,

за несколько лет в конце и после окончания войны было открыто 15-17 тысяч православных церквей.

С другой стороны, автору не удалось узнать ни одного случая открытия новой православной церкви в 60-е годы. Конечно, нельзя быть уверенным в том, что таких случаев не было, но мало вероятно, чтобы число их было заметным.

К этому остается добавить, что за это время не было опубликовано никаких новых законодательных актов по вопросам религии.

Более конкретную информацию можно найти, например, в документах, приложенных к письму В. Н. Чалидзе Президиуму Верховного Совета СССР (11). В содержащихся среди этих документов письмах рассказывается о длительных безрезультатных попытках (в г. Чернигове они продолжаются 9 лет) добиться регистрации религиозной общины или открытия церкви. Об отказе райисполкомов дать ответ на

ходатайства о регистрации, подписанные большим числом верующих (в Горьком — более 1 500 человек), о пересылках жалоб из одной инстанции в другую и возвращении их под конец в ту, на которую они были поданы. Об устных заявлениях представителей властей, что существующих церквей вполне достаточно, несмотря на то, что мнение верующих прямо противоположно: в г. Горьком (население 1,2 млн человек), например, есть лишь три церкви, расположенные на окраинах, в Чернигове — одна маленькая церковь, в которой верующие не помещаются и вынуждены во время службы в любую погоду стоять на улице. О давлении, которому подвергаются верующие, подписавшие ходатайства о регистрации, об оскорблениях их религиозных чувств, запугивании на работе, переводе на другую работу.

Но наиболее выпукло все эти проблемы выступают в содержащейся там же подборке документов по поводу окончившейся неудачей попытки открыть церковь в г. Наро-Фоминске. Эта история столь поучительна, что мы приведем здесь перечень основных документов.

1) 21. X. 1968 г. Заявление в горисполком г. Наро-Фоминска с просьбой зарегистрировать религиозное общество православного вероисповедания. 24 подписи.

2) 8. XII. 1968 г. Поддержка этого заявления. Просьба представить в качестве молитвенного здания пустующую церковь или сдать в аренду какое-либо другое здание, или выделить участок для постройки храма. 693 подписи.

3) 24. XII. 1968 г. Жалоба прокурору Наро-Фоминска: секретарь исполкома отказался принять заявление (ср. № 1), мотивируя это трудностью исполнения содержащейся в нем просьбы. На посланное по почте 9. XI. председателю Исполкома заявление ответ не получен.

4) 3. II. 1969 г. Жалоба прокурору Московской области: прокурор г. Наро-Фоминска ответа не дал. Указывается, что это — преступление, предусмотренное ст. 172 У.К. РСФСР.

5) 7. II. 1969 г. Прокурор Московской области пересылает заявление (ср. № 4) уполномоченному Совету по делам

религии с просьбой сообщить заявителям о принятом решении.

6) 28. II. 1969 г. Уполномоченный (ср. № 5) отвечает «по вопросу об открытии церкви в г. Наро-Фоминске»: удовлетворить просьбу не представляется возможным.

7) 3. II. 1969 г. Направляется статья в газету «Знамя Ильича» с жалобой на действия Исполкома и просьбой учесть это при следующих выборах.

8) Тот же день. Ответ редакции: секретарь Исполкома дал уже исчерпывающие устные разъяснения, однако будет послан еще и письменный ответ и верующие будут приняты председателем Исполкома.

9) Тот же день. Письменный ответ председателя Исполкома: гражданам на приеме у секретаря Исполкома уже «было разъяснено, что регистрация религиозной общины в настоящее время не может быть проведена в связи с тем, что в городе нет для этой цели помещения».

10) 11. II. 1969 г. Ответ прокурора г. Наро-Фоминска: отказ в регистрации объясняется неполнотой данных в списке учредителей.

11) 27. II. 1969 г. Письмо председателю Горисполкома: в его ответе (ср. № 9) регистрация обуславливается получением молитвенного здания. Цитируются законы и инструкции, показывающие, что такой связи нет. Отмечается, что прокурор привел другую причину отказа (ср. № 10). Посылается список по форме, указанной прокурором.

12) 7. III. 1969 г. Ответ председателя Горисполкома. (ср. № 11): отказ в регистрации, так как «в нашем районе имеется четыре православных церкви, что обеспечивает религиозные потребности всех верующих». Исполком «не считает нужным создавать в Наро-Фоминске новое религиозное объединение».

13) 26. III. 1969 г. Письмо в Прокуратуру Московской области: была подана жалоба на действия прокурора г. Наро-Фоминска (ср. № 4), а ответ получен из Совета по делам религии, который не компетентен ее разбирать, при этом Совет отвечает на «заявление об открытии церкви», которое

вообще не подавалось, и отвечает отказом, что не в его компетенции. В результате переписки с прокурором г. Наро-Фоминска одна из подписавших жалобу была вызвана к помощнику прокурора «для допроса в качестве свидетельницы» при отсутствии уголовного дела. Беседа состояла из крика, брани, угроз и советов вроде: «чем в церковь ходить, сидели бы дома и занимались домашними делами».

14) 3. IV. 1969 г. Ответ прокурора г. Наро-Фоминска. Сообщается, что действия Исполкома «являются правильными и не противоречат закону о религиозных объединениях».

15) 26. III. 1969 г. Жалоба председателю Совета по делам религии на уполномоченного Совета по Московской области: уполномоченный, отклонив просьбу (ср. № 6), превысил свои полномочия, присвоив право, принадлежащее Исполкому. Жалоба проверена не была, а смысл ее был искажен: заявление о регистрации подменено просьбой об открытии церкви.

16) 8. V. 1969 г. Ответ (ср. № 15): жалоба рассмотрена и удовлетворена быть не может.

17) 25. IV. 1969 г. Просьба в Московский Облсполком об отмене решения Горисполкома Наро-Фоминска об отказе в регистрации. 4 церкви, указанные в ответе Горисполкома (ср. № 12), находятся вне города, в три из них дорога берет несколько часов. Единственная более доступная церковь — Петровская, на ст. Алабино более чем в 20 км от города — обычно до предела переполнена, часто из-за тесноты случаются обмороки. Закон не уполномочивает Горисполком принимать решение о том, обеспечены ли религиозные потребности верующих.

18) 15. VIII. 1970 г. Жалоба в Президиум Верховного Совета РСФСР на отказ в регистрации. 1 443 подписи.

19) 16. II. 1971 г. Статья в газете «Знамя Ильича»: заявление о передаче старого храма для религиозных нужд поступило как раз тогда, когда его решили превратить в музей боевой славы. Верующих в Наро-Фоминске не столь много. Их потребности вполне удовлетворяет действующая Петровская церковь. Все это — «нечистое дело, затеянное недобрыми людьми». Цель его — подогреть религиозный фа-

натизм и заполучить в новом храме теплое местечко. Большинство подписей оказалось абсолютной липой.

20) Март 1971 г. Иск в Наро-Фоминский суд: Петровская церковь более чем в 20 км от Наро-Фоминска. В заявлении (см. №1 и № 2) не настаивали на получении старого храма, готовы были арендовать или построить новую церковь. Просьба обязать газету напечатать опровержение ее утверждения о неподлинности большинства подписей (ср. № 19).

21) 26. IV. 1971 г. Решение суда: В иске отказать. Приводятся фамилии, имена и отчества семерых человек, подписи которых стоят в жалобе (ср. № 18), из которых один умер, а остальные утверждают, что заявления не подписывали или подписывали чистый лист, думая, что речь идет об открытии музея.

22) Май 1971 г. Кассационная жалоба: в ряде случаев, указанных в постановлении суда (ср. № 21) подписи этих лиц и не стоят — подписывали их однофамильцы с другими инициалами.

23) 8. V. 1971 г. Решение суда — иск отклонить. Проверка показала, что более 240 граждан (фамилии не приводятся) не проживают по адресам, указанным в списке подписей (ср. № 18).

§ 3. Ликвидация религиозной общины. Законы и инструкции

Закон, в частности «Постановление» 1929 г., такого действия не знает. Из этого можно заключить, что единственная причина прекращения деятельности религиозной общины, предусмотренная «Постановлением» 1929 г. — решение самих верующих. Разумеется, раз существует законодательство о религиозных культах, то в случае его нарушения у властей остается та же возможность, что и в связи с нарушением любых законов — судебное преследование.

Но уже в «Инструкции» 1931 г. содержится раздел:
«VII. Ликвидация религиозных объединений».

§ 32 предусматривает уже рассмотренный нами случай — «Религиозное общество снимается с регистрации по заявлению подписавших заявление о регистрации, если число оставивших свои подписи менее двадцати».

Но § 34 выдвигает уже новый принцип:

«При обнаружении в деятельности религиозных объединений уклонений от установленных для них норм» и «в случае нежелания со стороны религиозного общества или группы верующих исправить замеченные недочеты, а также при обнаружении нарушения действующих законов регистрирующий орган может возбудить перед районным исполнительным комитетом или городским Советом вопрос о ликвидации религиозного общества или группы верующих...»

Такова же позиция «Инструкции» 1961 г.:

«Религиозные объединения могут быть сняты с регистрации в случае нарушения ими советского законодательства о культах» (§ 24).

Таким образом, четкая процедура судебного разбирательства (казалось бы как раз и предусмотренная для случаев нарушения законодательства) заменяется процедурой снятия с регистрации, для которой остаются неясными те же вопросы, что и для процедуры регистрации: могут ли представители верующих присутствовать при принятии решения и высказывать свое мнение, какова процедура оспаривания этого решения и т. д.

Обратим внимание на то, что право ликвидации религиозной общины предоставляется либо составляющим ее верующим, либо регистрирующим организациям. Естественно, что «служители культа и религиозные центры», которые, как мы видели, лишены права влиять на создание религиозной общины, не могут иметь и права ее ликвидации.

Мы уже отметили, что закон ничего не говорит о ликвидации религиозной общины. Но вопрос о ликвидации молитвенного здания в нем рассмотрен. Для этого предусмотрены два основания:

«Если не находится лиц, желающих пользоваться с ре-

лигиозными целями зданием и культовым имуществом...» («Постановление», § 34)

или

«по мотивированному постановлению центрального исполнительного комитета автономной республики, краевого или областного исполнительного Комитета, если это здание необходимо для государственных или общественных надобностей» (§ 36).

«Инструкция» 1931 г. дает несколько иное толкование, заменяя решение исполкома чем-то вроде референдума:

«если это здание необходимо для общественных надобностей и преобладающее большинство населения данной местности возбудит об этом ходатайство» (§ 65-б).

Бросается в глаза неопределенность употребляемых здесь терминов: «преобладающее большинство» и «данная местность». Но зато «Инструкция» 1961 г. содержит совершенно четкое указание:

«25. Закрытие молитвенных домов допускается в следующих случаях:

- а) если религиозное общество, использующее молитвенное здание, снято с регистрации;
- б) если здание культа подлежит сносу вследствие реконструкции населенного пункта или из-за ветхости здания...»

Таким образом, то, что молитвенное здание необходимо для других целей, не рассматривается здесь как достаточное основание для его ликвидации.

Закон предоставляет верующим право апелляции в случае решения местного исполкома о закрытии здания культа к Президиуму Верховного Совета СССР («Постановление», § 37). Если здание сносится по техническим причинам, верующие имеют право быть представленными в комиссии, решающей этот вопрос («Постановление», § 48-с).

Арендуемые помещения до истечения срока договора могут быть изъяты из пользования религиозной общины только в судебном порядке («Постановление», § 38).

Нигде в законе нельзя найти основания для мысли, что закрытие молитвенного здания влечет за собой ликвидацию религиозной общины. Есть прямые указания на противоположную точку зрения: после ликвидации молитвенного здания религиозная община имеет право на сохранение ряда предметов культа («Постановление», § 40-в).

§ 4. Ликвидация религиозной общины. Из сообщений о практике

Многочисленные сообщения указывают на то, что рассматриваемая сейчас проблема ликвидации религиозной общины далеко не является чисто теоретической. Мы приведем здесь некоторую информацию, касающуюся православной церкви.

Со времени декрета об отделении церкви от государства число православных церквей несколько раз испытывало резкие колебания. Было два периода, когда особенно широко практиковалась ликвидация церквей и религиозных общин: 30-е годы и 60-е годы.

О первом периоде можно судить хотя бы по таким цифрам. Как мы уже говорили, в 1917 г. в России было 55 173 православных церкви и около 25 000 часовен, а в 1941 г. в СССР — 4 225 «культовых зданий», принадлежащих православной церкви. Но надо иметь в виду, что в 1939 году число православных церквей в СССР как раз резко возросло — за счет присоединения Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии, среди жителей которых много православных. Население этих территорий составляло около десятой части населения России, и мы можем считать, что к моменту присоединения в 1939 г. там было не меньше 5-6 тысяч православных церквей.

Настроения этого периода характеризуют выдержки из статей в газете «Основа», приложенные к тому списку документов о попытке создания религиозной общины в Наро-Фоминске, который мы уже цитировали в § 2. Несколько примеров:

«Общественность должна поднять вопрос о массовом закрытии церквей на дело коллективизации, на дело выполнения пятилетки Наро-Фоминского района в 4 года» (Статья «Колокола превратить в тракторы», № 4 (30), 31. I. 1930).

«Почему не закрывают мальковскую церковь? Разве недостаточно 8 тысяч голосовавших за закрытие и пяти тысячной антирелигиозной демонстрации в деле закрытия нарской церкви?» (Статья «Мы требуем скорейшего переоборудования нарской и мальковской церквей», № 8 (34), 3. III. 1930 г.).

Газеты сообщали о разрушении монастырей (Выкусинского монастыря (12), Симонова монастыря (13), публиковали фотографии взорванных зданий.

В прессе того времени можно найти, например, такую общую характеристику религиозной деятельности:

«Всякая религиозная организация по природе своей контрреволюционна. Всякий, кто проповедует религию, кто занимается церковной или сектантской деятельностью — творит контрреволюционное дело, ибо религия — непримиримый враг коммунизма» (14).

Во время войны и непосредственно после конца войны число церквей в СССР, как мы видели, опять возросло — примерно до 20 000. В ряде источников сообщается, что в первой половине 60-х годов было опять закрыто около половины из них, т. е. около 10 000 («Заявление» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина (15), «Открытое письмо» верующих Кировской епархии патриарху (16), Атеистический источник (8) в 1961 г. сообщает о 11 500 церквей, что, примерно, согласуется с этими цифрами).

В «Открытом письме» верующих Кировской области сообщается:

«В Вятской (ныне Кировской) епархии в дореволюционное время было более 500 приходских церквей.

В Кировской епархии в 1959 г. было всего 75 церквей, из них 7 деревянных молитвенных домов, построенных на средства верующих после войны. С 1960 по 1964 гг. вклю-

чительно было закрыто путем произвола и жестокого насилия 40 церквей, т. е. 53%.

В 1966 г. богослужения совершались лишь в 33 церквях, а в двух церквях нет священников более 3-х лет.

Во всех закрытых церквях интерьеры варварски разрушены, иконы и книги сожжены, утварь и имущество (воск, краски, полотно, мука, вино и т. д.) расхищены при закрытии. Многие из закрытых церквей полностью разрушены. Так, полностью разрушена каменная церковь в г. Кирове.

На территории Кировской области не осталось ни одного памятника церковной архитектуры».

Много свидетельств о размахе кампании закрытия церквей можно найти в прессе того времени.

Сообщают, например, о закрытии 18 церквей из 25 в Липканском районе (17); в Одессе закрыто 210 религиозных общин различных наименований (18);

180 церквей закрыто на Волыни (19);

В. Некрасов сообщает о разрушении церквей и синагог XI-XII столетий (20).

В этой связи возникает основной вопрос: связано ли это массовое закрытие церквей в 60-е годы с уменьшением числа верующих и имеет ли оно своей причиной то, что «не находится лиц, желающих пользоваться зданием с религиозными целями», или то, что здание «необходимо для государственных или общественных надобностей» — как это предусмотрено законом (ср. § 3 этого раздела)?

Подобная точка зрения действительно высказывалась. Например, в интервью московскому корреспонденту газеты Карьера дела Серра патриарх Московский и Всея Руси Алексей на вопрос «как Вы объясняете последние закрытия православных церквей и монастырей?» ответил:

«Количество храмов и монастырей в каждой Православной Церкви, в том числе и в Русской Православной Церкви, естественно подвержено изменениям. Определенные приходы могут прекратить свое существование или так уменьшиться в своем составе, что те или иные могут закрыться...» (21).

В «Открытом письме» верующих Кировской области (16) говорится, что «... митрополит Никодим выступил в газете «Юманите», а митрополит Пимен по радио. Их выступления сводились в конечном счете к тому, что церкви закрываются добровольно.

Мы просим Вас прекратить распространение за границей через представителей Патриархии ложных сведений о положении и состоянии церкви в СССР».

В уже цитированном докладе Л. Ф. Ильичев утверждает:

«У нас произошел массовый отход населения от религии, атеистическое мировоззрение стало господствующим. Соответственно сократилось число религиозных общин и служителей культа, а также церквей, мечетей, молитвенных домов и монастырей» (6), ч. 1).

Однако, в том же докладе делается наблюдение: «Часто можно заметить такое явление: число церквей и религиозных общин уменьшилось, но число тех, кто соблюдает религиозные обряды, остается все еще сравнительно высоким». Далее автор признает рост религиозных настроений, но объясняет его в значительной мере «войной с гитлеровской Германией».

Действительно, многие сведения, публикуемые в советской печати, не дают основания говорить о значительном уменьшении числа верующих. Обследования, проведенные в ряде районов, показали, что большинство родителей крестит своих детей. Такие сведения имеются по Белоруссии (статья А. Залесского) (22), в Костромской и Горьковской областях (23), Рязанской области. В Рязанской области между 1955 и 1958 гг. более половины церквей было восстановлено и отремонтировано, посещение церквей возросло более чем вдвое, число крещений растет (24).

В Вольске с 1961 по 1962 г. число крещений возросло с 206 до 1 795, венчаний в церкви — с 10 до 59 (25).

В (24) сообщается, что в Касимовском районе Рязанской области число участников религиозных обрядов за последние годы (к 1963 г.) возросло в 2-3 раза. В 1960 г. 60% всех новорожденных были крещены, 30% умерших отпевали в церкви, 15% новобрачных венчались в церкви.

С другой стороны, в советской печати встречаются отрицательные оценки действий властей: «Между тем воспитательная работа с верующими в некоторых местах подменялась грубым администрированием» (статья Г. Э. Авашкина) (26).

«Открытое письмо» верующих Кировской области (16) не дает основания говорить о согласии членов общины на закрытие церквей:

«Верующие всех закрытых церквей самоотверженно боролись с произволом и беззаконием, но удалось спасти от разрушения лишь церковь в с. Быстрица, которую трижды закрывали и открывали!»

«Они (верующие — Авт.) подали сотни жалоб в Президиум Верховного Совета СССР, в Верховный Суд, в центральные газеты, в канцелярию Н. С. Хрущева. Жалобы были подписаны сотнями и тысячами верующих.

При закрытии церквей произошли значительные народные волнения в г. Зуевка, в с. Рои, в с. Защиженье, в с. Пищалье».

«С 1960 по 1963 гг. местные власти для устрашения верующих и подавления недовольства применяли энергичные и суровые репрессии: штраф, незаконный арест, незаконное осуждение на различные сроки тюремного заключения, различные приемы застрашивания».

Они приводят такие мотивы закрытия церквей, которые трудно согласовать с принципами, содержащимися в законе (ср. § 3):

«Епископ Иоанн, в сговоре с уполномоченным И. Д. Ляпиным и священником молитвенного дома В. Н. Коровиным, перевел последнего в г. Ногинск, а в Совет по делам РПЦ они сообщили, что молитвенный дом не имеет достаточного дохода для своего существования.

Совет по делам РПЦ на основании циркуляра Патриархии о закрытии церквей, не имеющих достаточного дохода для своего существования, закрыл этот дом, и 1 апреля 1964 г. местные власти ночью разрушили его».

«Он (т. е. епископ Иоанн) закрыл этот храм, потому

что он дает малый доход Патриархии и государству, а «такие приходы, — как он сказал, — Патриархии не нужны».

Как мы видели (в § 3 этого раздела), ни Совет по делам Русской Православной Церкви, ни «служители культа и религиозные центры» не имеют права ликвидации религиозных зданий.

Об отсутствии законных оснований для закрытия церквей говорится и в «Заявлении» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина (15):

«Массовое закрытие храмов практически осуществляется местными органами власти административным путем, без соблюдения предусмотренной законом процедуры, и, в подавляющем большинстве случаев, без каких бы то ни было «государственных или общественных надобностей», что согласно закону является единственным мотивом, допускающим закрытие молитвенных зданий («О религиозных объединениях», § 36).

Мы видели, что закон предусматривает продолжение деятельности религиозной общины и в случае закрытия принадлежащего ей молитвенного здания. В том же «Заявлении» по этому поводу сообщается:

«Так уполномоченные Совета путем «административного давления» добивались согласия правящих епископов на упразднение тех приходов, в которых упразднялись храмы, и перевода служившего в них духовенства в другие приходы, либо увольнения его за штат.

Таким образом, руководители и уполномоченные Совета по делам РПЦ, пользуясь тем, что по церковным канонам православная община не может существовать без возглавляющего ее священника, фактически превращали закрытие храма в ликвидацию церковной общины.

Так должностные лица Совета по делам РПЦ непосредственно и активно участвовали в этой антидемократической кампании, лишая миллионы верующих граждан Союза ССР принадлежащих им законных прав.

II. ЖИЗНЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЫ

§ 1. Права и обязанности общины

«Инструкция» 1961 г. следующим образом суммирует права религиозной общины:

«3. Верующие, составившие религиозное объединение (общество или группу), могут:

а) отправлять религиозные обряды, устраивать молитвенные и другие собрания, связанные с отправлением культа,

б) нанимать или избирать служителей культа и других лиц, обслуживающих потребности культа,

в) пользоваться молитвенным зданием и другим культовым имуществом,

г) собирать добровольные пожертвования верующих в молитвенном помещении на цели, связанные с содержанием служителей культа, молитвенного здания и другого культового имущества, а также исполнительных органов религиозных объединений».

С другой стороны, «Постановление» 1929 г. и «Инструкции» 1931 г. и 1961 г. накладывают на деятельность общины ряд ограничений. На некоторых из них мы здесь остановимся.

Религиозные объединения и служители культов не вправе создавать кассы взаимопомощи и заниматься благотворительностью (см. «Инструкция» 1961 г., § II, 8а, «Постановление» говорит о запрете использовать средства на иные цели, кроме удовлетворения религиозных потребностей).

Трудно понять мотивировку запрета благотворительной деятельности для церкви. Этот запрет противоречит не только естественным нормам гуманности, но и практике Советского правительства. Так, в 1921-22 гг. был организован Церковный комитет помощи голодающим. Патриарх выступил с призывом о помощи к верующим, и это обращение было опубликовано в советских газетах. Газеты публиковали сообщения и об отдельных актах благотворительности, например, об открытии на деньги церкви столовых для голодающих (27). Дискуссия шла о другом: достаточна ли эта деятельность?

«Недаром газета «Известия» заявляла, обращаясь к церковникам 10 февраля 1922 г.: «Победить врага на голодном фронте можно не постом или перстом, а только куском хлеба. Здесь, как на каждой войне, нужны деньги, деньги и еще раз деньги» ((28) стр. 144).

То, что власти сочли благотворительную деятельность церкви недостаточной, проявилось в декрете об изъятии церковных ценностей для нужд борьбы с голодом, принятом ВЦИК 23 февраля 1922 г. Декрет обязывал местные Советы в месячный срок изъять из церковных имуществ все драгоценные изделия из золота, серебра и драгоценных камней.

«По требованию народных масс состоялись многочисленные судебные процессы над активными участниками и организаторами сопротивления изъятию церковных ценностей и сокрытия их. На скамье подсудимых оказались и архиереи и рядовые священнослужители и руководители приходских объединений» ((28) стр. 153).

И во время войны Православная Церковь не раз выступала с актами благотворительности, которые отнюдь не пресекались властями. Например, в 1945 г. Саратовская Епархия передала Государственному Банку 570 000 рублей на нужды жертв войны. Благодарственное письмо генералиссимуса И. В. Сталина за средства, собранные Церковью, можно прочитать в (29) стр. 292.

Такое многократное отклонение от запрета благотворительности и использование средств Церкви на цели, отлич-

ные от «удовлетворения религиозных потребностей», делает последующее сохранение этого запрета малоубедительным.

Кроме благотворительности, религиозные общины не имеют права заниматься и другими видами деятельности, которая, казалось бы, носит исключительно гуманный характер: устраивать экскурсии, детские и спортивные площадки, организовывать санатории и лечебную помощь. Им запрещается организовывать специальные детские, юношеские и женские молитвенные собрания («Постановление», § 17, «Инструкция» 1961, II, §§ 8 и 9). Выделение женщин особенно удивляет в наш «век равноправия».

Согласно «Инструкции» 1961 г. религиозным центрам, объединениям и служителям культа воспрещается:

«организовывать паломничества верующих к так называемым святым местам, совершать обманные действия с целью возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путем каких-либо выгод (объявление всякого рода чудес, например, исцеление больных, пророчества и т. п.)» (II, § 10, б).

Нечеткость этой формулировки бросается в глаза. Это место «Инструкции» можно понимать как воспрещение объявлять такие чудеса, которые являются заведомым обманом, совершенным религиозными центрами и т. д. лишь с целью извлечения выгоды. Но вполне допустимо и такое понимание, что с точки зрения авторов «Инструкции» чудеса невозможны, а следовательно их объявление является обманным действием с целью возбуждения религиозных суеверий.

Организация паломничества объединена здесь в одной фразе с обманными действиями с целью извлечения выгоды, что так же трудно понять. «Постановление» 1929 г. совершенно не знает этого ограничения. Таким образом, в этом месте «Инструкция» вводит новую норму, которой нет в законе.

Чем вообще может быть мотивирован запрет организации паломничества? В «Настольной книге атеиста» (30) приведено такое объяснение: «Помимо идеологического вреда паломничество к «святым местам» наносит физический вред людям. У «святых мест» скапливается порой много больных, зачастую заразными болезнями, людей. Это нередко приво-

дит к распространению инфекционных заболеваний. Бывают случаи, когда после купания в родниковой «святой» воде некоторые больные чувствуют резкое ухудшение. Все это заставляет местные власти принимать решительные меры к прекращению паломничества к «святым местам» (стр. 271). Слабость этих аргументов вряд ли требует доказательства. Мотив «идеологического вреда» сразу сталкивает нас с принципом свободы совести. С другой стороны, аргументы об опасности распространения инфекционных заболеваний вполне применимы к любым курортам с целебными источниками. Местные власти, казалось бы, должны **всегда** бороться с распространением инфекционных заболеваний, а именно, созданием соответствующих санитарных условий, прежде всего, строительством гостиниц.

Приведенная выше цитата вызывает новые сомнения: не дополняется ли запрет **организации** паломничества, содержащийся в «Инструкции», «решительными мерами» по адресу самих паломников? В литературе можно найти указания на то, что это так. Например, в (8) описывается борьба с паломничеством к часовне святой Параскевы на Пороховых. «Здесь разворачивались антирелигиозные выставки, посвященные разоблачению истории и реакционной сущности культа Параскевы-пятницы...» «В ильинскую пятницу на Пороховые выезжали бригады агитаторов и направлялись агитмашины...», «Паломничество к часовне стало резко падать» — казалось бы этим цель и достигнута (хотя вряд ли можно признать, что при этом щадилась религиозные чувства), но тем не менее дальше читаем: «По требованию жителей района часовня была закрыта, а через некоторое время ее снесли и на этом месте разбили сквер» (стр. 94-95). Стоит сравнить это с положениями закона о ликвидации религиозного здания, изложенными в ч. 1 § 3.

Ни в «Постановлении», ни в «Инструкциях» не высказано отношения к **почитанию мощей**. Относится ли оно к разрешенному «отправлению культа» или к запрещенным «обманным действиям»? Этот вопрос возникает в связи с тем, что в 1918, 19 и начале 20-х годов были изданы постановления, направленные против почитания мощей. Приведем выдержки

из «Циркуляра НКЮ» от 25 августа 1920 г. **О роли почитания мощей:**

«Эти золоченые гробницы с предполагаемыми в них негленными телами старым правящим классам были необходимы, как аппарат одурманивания на религиозной почве темных гипнотизируемых народных масс. Означенные раки и гробницы имели целью придавать также «религиозное освещение» тем или иным административным, торговым и промышленным центрам. Такова была, например, роль мощей Сергея Радонежского в Московский период и мощей Александра Невского в Петербургский».

О ликвидации мощей: «Революционное сознание масс протестует против того, чтобы мумифицированные трупы, или останки трупов, или имитации трупов в Советской России могли быть представлены для эксплуатации масс церковным организациям в их свободное распоряжение, в нарушение самых элементарных порядков общезжития и к оскорблению чувств всех сознательных граждан».

«Помещение «мощей» в музеи является наиболее рациональным способом ликвидации дальнейшей эксплуатации предрассудков и суеверий. Подобные реликвии, относящиеся к другим религиям (например, египетские мумии), уже давно находятся в музеях, наряду с другими останками старых культур, что не является ни оскорблением религиозной совести, ни гонением на ту или иную веру. НКЮ предлагает к исполнению следующее: 1) местные исполкомы при соответствующей агитации последовательно и планомерно проводят полную ликвидацию мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий».

О процедуре ликвидации: «Исследование мощей производится по инициативе местного трудового населения с разрешения губисполкома или губернского съезда Советов. Никакого разрешения от центральных властей на вскрытие мощей не требуется» («Р. и Ц.», 1919 г., № 1, стр. 43).

«Сам процесс вскрытия (распоясание, снятие одежд, извлечение черепа, костей и прочего содержимого в раке) необходимо поручить представителям духовенства, которые должны быть обязательно привлечены к осмотру мощей, лучше всего во главе с епископом. Под актом осмотра мощей подписи служителей культа крайне важны. Было бы также полезно пригласить на вскрытие мощей оператора с кинематографическим аппаратом и самый процесс вскрытия запечатлеть на особой ленте» («Р. и Ц.», 1919 г., № 1, стр. 42, цитируется по (31), стр. 66-70).

Что эта проблема не относится только ко времени 20-х годов, можно видеть из «Открытого письма» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина (32), где упоминается «кошунственное захоронение Св. православных мощей Святителя Феодосия Черниговского, по требованию местного уполномоченного совершенное епископом Игнатием».

В 20-е годы существовали и другие ограничения деятельности религиозных общин, не подтвержденные, но и явно не отмененные последующим законодательством.

Примером является циркуляр НКЮ от 8 декабря 1923 г. № 254 о запрещении поминания в публичных молитвах лиц, осужденных или находящихся под судом за совершение тяжких государственных преступлений ((31) стр. 71). Было бы важно четко сообщить об отмене этого постановления или же о том, в какой мере оно продолжает действовать. Выражение «находящиеся под судом» противоречит концепции презумпции невиновности, да и все это положение является трудно объяснимым ограничением свободы совести.

Большая часть содержащихся в «Постановлении» и «Инструкциях» ограничений деятельности религиозных общин упоминается и в У.К. Союзных республик (например, статья 142 У.К. РСФСР «Нарушение закона об отделении церкви от государства и государства от школы» и постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. «О применении статьи 142 Уголовного Кодекса РСФСР»).

Обратим внимание на другую статью УК РСФСР, которая может иметь отношение к религиозной деятельности и

предусматривает самое суровое наказание из всех такого рода статей:

«Статья 227. Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов.

Организация или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан, либо с побуждениями граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних, —

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или ссылкой на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой.

Активное участие в деятельности группы, указанной в части первой настоящей статьи, а равно систематическая пропаганда, направленная к совершению указанных в ней деяний, —

наказывается лишением свободы до трех лет, или ссылкой на тот же срок, или исправительными работами на срок до одного года».

Эта статья порождает вопрос: если обсуждаемые в ней действия — посягательство на личность и права граждан, причинение вреда их здоровью и т. д. — наказуемы сами по себе, то чем объяснить особое выделение случая, когда они производятся под видом исполнения религиозных обрядов?

В книге «Борьба с нарушениями законодательства о религиозных культах» (33) это выделение объясняется тем, что статья 227 УК устанавливает ответственность за организацию или руководство группой, деятельность которой сопряжена с указанными в статье посягательствами, а не за сами посягательства (стр. 111). Но совершенно непонятно, как можно установить, что деятельность группы связана с посягательствами, когда этих посягательств (или «пропаганды этих деяний») не было. Невольно возникает опасение: не может ли эта статья быть истолкована в том смысле, что связь с религиозным обрядом является **отягчающим обстоятельством** подобно, например, состоянию опьянения?

Рассмотрим несколько примеров действий, к которым применима ст. 227, заимствованных из указанной выше книги (33).

1) «... если руководитель группы проповедует необходимость принесения «в жертву» человеческой жизни и несколько рядовых членов под влиянием такой проповеди совершают убийство...» (стр. 123).

Таким образом, речь идет об убийстве, имеющем характер человеческого жертвоприношения. Автор и в других местах говорит о таком преступлении (стр. 55, 92). Такие обвинения выдвигались и раньше, и известны процессы, где они были предметом судебного разбирательства. Но умышленное убийство карается согласно статье 103 УК РСФСР куда более строго — лишением свободы на срок от трех до десяти лет. Автор предлагает в этом случае привлекать руководителя группы к ответственности также и по ст. 103. Неясно, что к этому прибавляет ст. 227.

2) Автор указывает, что применение ст. 227 УК связано с **причинением**, а не **возможностью** причинения вреда здоровью. Приводя примеры действий, которые могут причинить, но не обязательно причиняют такой вред, автор пишет: «Например, обряд причащения, исполняемый в православной церкви и христианских сектах, таит в себе возможность заражения инфекционными заболеваниями, обряд крещения — опасность простуды, обрезание может повлечь осложнения и т. п.» (стр. 124). Отсюда можно заключить, что в случаях, когда эти действия приводят к заболеванию, автор считает правомочным применение ст. 227. Возникает тот же вопрос: есть ли основания для судебного преследования, если болезнь ребенка вызвана, например, купанием при открытой форточке любым другим лицом: родителями, бабушкой или няней в детском саду? Если да, то непонятно особое выделение связи с исполнением религиозных обрядов. Если — нет, то возникает дискриминация по отношению к религиозным действиям.

3) Как пример побуждения граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей автор приводит «побуждение к отказу от службы в Советской Армии, от принятия во-

инской присяги, запрет брать в руки оружие» (стр. 128). Как же обстоит дело, если побуждение производится по другим мотивам, например, как следствие пацифистских убеждений? Мы опять приходим к той же дилемме: либо существует единая норма, применимая ко всем таким действиям, либо религиозная деятельность дискриминируется таким особым к ней отношением.

В заключение этого пункта, касающегося положения религиозной общины, следует сказать об общинах, положение которых никак не регламентировано законом — о монастырях. Ни в «Постановлении» 1929 г., ни в «Инструкциях» 1931 г. монастыри не упоминаются. Может быть, отсутствие монастырей делало этот вопрос неактуальным?

В «Инструкции» 1961 г. о монастырях несколько раз упоминается в связи с ограничениями хозяйственного порядка. Им посвящено также Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г. № 1159. В этом постановлении кроме положений, ограничивающих в различных отношениях хозяйственную деятельность монастырей, имеется пункт:

«4. Поручить Советам Министров союзных республик, Совету по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в 6-месячный срок изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов и внести в Совет Министров СССР согласованные предложения по этому вопросу».

Таким образом, основные стороны деятельности монастырей никак не регламентированы законом, что само по себе вызывает беспокойство, тем более, что имеется несколько очень тревожных выступлений на эту тему.

Так, в «Заявлении» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина (15) говорится:

«Известно, что в период 1961-64 гг. в нашей стране, по личной инициативе Н. Хрущева, проводилась шумная кампания массового закрытия Православных храмов. За время этой кампании было закрыто не менее десяти тысяч церквей и десятки монастырей, среди которых

особо следует отметить древнейшую святыню русского народа — Киево-Печерскую Лавру».

В их же «Открытом письме» (32):

«Тяжкое бедствие постигло Русскую Церковь. Одна утрата следовала за другой: Глинская пустынь, древнейшая святыня земли Русской — Киево-Печерская Лавра, ... монастыри Закарпатья и Молдавии, святые храмы России!»

В (34) стр. 83 сообщается, что «Сейчас в СССР 69 монастырей» (1958 г.). В (8) стр. 8 говорится, что со времени Октябрьской революции число монастырей сократилось с 1 025 до 32 (1962 г.). Близкие цифры приведены в (35) стр. 82.

Документ «Краткое описание событий в Почаевской лавре (в наши дни)», который подписан «Монахи Почаевской лавры, август 1966 г.», сообщает длинный перечень притеснений, которым подвергся этот монастырь. Документ обвиняет местные власти (с указанием имен и подробных обстоятельств) в ряде преступлений:

нарушении богослужения,

облавах на богомольцев и монахов,

избиениях,

заключении здоровых монахов в психиатрическую больницу,

депортации монахов в другие части страны,

произвольном аннулировании прописки в монастыре и т. д. —

с отказом указать законное основание для этих действий, ссылками на «секретные инструкции».

В документе содержатся обвинения и в гораздо более тяжких уголовных преступлениях.

В заключение, авторы документа сообщают, что они ездили в Москву, обращались в различные инстанции, которые отсылали их друг к другу, пока все же они не добились приема. Беседовавшее с ними лицо (фамилия которого приведена в документе) сообщило по их словам:

«По моему личному мнению все верующие являются психически ненормальными людьми и вполне естественно отправлять их в эти больницы, а вообще наша цель — как

можно быстрее ликвидировать религию, мы пока еще частично терпим из-за политических соображений, а как наступит благоприятный момент — мы закроем не только ваш монастырь, а все церкви и монастыри».

Мы, разумеется, не имеем возможности проверить истинность содержащихся в этом документе утверждений. Но полное отсутствие в законе регламентации деятельности монастырей, содержащиеся в различных источниках сообщения о закрытии монастырей и их притеснении, содержащийся в «Инструкции» 1961 г. запрет организации паломничеств и сообщение о «решительных мерах» против паломничеств (большие монастыри обычно бывают центром паломничеств) — вызывают серьезную тревогу. Все эти факты указывают на необходимость пересмотра всего вопроса и в частности тщательного гласного расследования событий в Почаевской Лавре.

§ 2. Организационные и хозяйственные вопросы

Основной формой организации верующих, которую предусматривает законодательство, является религиозное общество или группа. Религиозное общество имеет местный характер, связано с пользованием не более чем одним зданием культа.

Понятие Церкви как объединения всех верующих, исповедующих одну религию, в «Постановлении» не встречается (кроме м. б. § 1, в ссылке на декрет 1918 г. об отделении Церкви от Государства). Однако, «Постановление» предусматривает созывы религиозных съездов, которые могут создавать исполнительные органы для проведения в жизнь постановлений съезда (§ 21). «Инструкция» 1931 г. ограничивает количество членов таких исполнительных органов числом 10 для всероссийских и всесоюзных и 5 для местных съездов. Повидимому, в этих рамках следует мыслить деятельность Патриарха, Святейшего Синода, епископов.

В «Инструкции об учете...» 1968 г. (5) мы встречаем раздел III: «Учет и регистрация религиозных центров (духовных, епархиальных и равных им управлений)». В этом разделе уже

говорится о церкви, союзе церквей, церковном соборе, главе церкви и т. д.

Однако, все законодательство отрицает право Церкви на твердую иерархическую структуру, что выражается, в частности, в запрете дисциплинарных наказаний. Согласно «Декрету» 1918 г. «... меры принуждения или наказания со стороны этих обществ над их сочленами не допускаются» (§ 11). Этот запрет повторен в «Инструкции» 1961 г.

«10. Религиозным центрам, религиозным объединениям и служителям культов запрещается: ...

2. применять меры принуждения или наказания».

Этим религиозные общества и церкви ставятся в неравное положение сравнительно с другими добровольными, обществами, имеющими право налагать наказания на своих членов (выговоры, исключение). Практически такой запрет вряд ли выполним. Пытаясь его реализовать, надо было бы считать незаконным не только наложение священником эпитимии, но и действия, подобные тем, которые Патриархия предприняла по отношению священников Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина, авторов «Заявления» (15) и «Открытого письма» (32), и которые сообщены в следующем документе: «Настоящим сообщается Вам резолюция Святейшего Патриарха Алексия от 13. V. 66:

«... Как видно из объяснения священников Н. Эшлимана и Гл. Якунина, соблазнительное упорство в их вредной для церкви деятельности продолжается.

В целях ограждения Матери-Церкви от нарушения мира церковного мы считаем необходимым освободить их от занимаемых ими должностей с наложением запрещения в священнослужении до полного их раскаяния, причем с предупреждением, что в случае продолжения ими их порочной деятельности возникнет необходимость прибегнуть в отношении их к более суровым мерам, согласно с требованием правил церковных.

13. 05. 66

Патриарх Алексий
Пимен Митрополит Крутицкий и Коломенский
(подписи)».

Организационная деятельность религиозных обществ и религиозных центров подчинена детальному контролю властей. Согласно «Постановлению» 1929 г. общие собрания религиозных обществ могут происходить только с разрешения местных исполнительных комитетов (§ 12). «Инструкция» 1931 г. повторяет это требование (§ 18) и уточняет его:

19. В заявлении от исполнительных органов религиозных объединений о созыве собраний должно быть указано: время, место и предполагаемое число участников собрания, а также перечень вопросов, подлежащих обсуждению».

Аналогичное требование содержит «Инструкция» 1961 г.:

«9. Религиозные объединения и служители культов не могут без разрешения исполкомов районных (городских) Советов депутатов трудящихся:

а) устраивать общие собрания верующих для обсуждения вопросов, связанных с управлением делами религиозного объединения и пользованием культовым имуществом».

Таким образом, если большинство верующих не удовлетворено деятельностью исполнительного органа или одного из его членов, но это лицо пользуется поддержкой местных властей, у верующих общины не остается практической возможности для его переизбрания (запомним, что список предполагаемых к обсуждению на собрании вопросов должен быть заранее сообщен властям).

В таком же положении находятся и религиозные съезды. Их созыв требует разрешения властей. В заявлении должны быть указаны время и место съезда, число делегатов, перечень подлежащих обсуждению вопросов, анкетные данные об организаторах («Постановление» 1929, §§ 21-23, «Инструкция» 1931, §§ 22-23, «Инструкция» 1961 г. § 11, б).

Основным фактом, определяющим хозяйственную деятельность религиозных общин, является то, что закон отказывает им в праве юридического лица. Этот запрет содержится уже в «Декрете» 1918 г.

«12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью.

Прав юридического лица они не имеют».

Он подтверждается «Постановлением» 1929 г. (§ 3), которое уточняет, что этого права лишаются и религиозные съезды и их исполнительные органы (§ 22). Лишение религиозных обществ права юридического лица, которым обладают многие добровольные общества по характеру своей деятельности гораздо меньше сталкивающиеся с хозяйственными и финансовыми проблемами, приводит к противоречивым ситуациям, из которых приходится находить мало естественные выходы. Так, «Инструкция» 1961 г. содержит примечание: «Зарегистрированным религиозным организациям предоставлены права юридических лиц в части, предусмотренной ст. ст. 3, 29, 30-33 данной инструкции». Речь идет об оплате служителей культа, аренде и пользовании культовым зданием и культовым имуществом. Но вряд ли даже такая концепция как «ограниченное право юридического лица» может решить все возникающие здесь проблемы. Например, Московская Патриархия издает свой Журнал и другую литературу. Как может она это делать, не имея права юридического лица в этой области? Очевидно, что это право расширяется (без указаний в законе или инструкциях) и сюда, а также, вероятно, и в другие области.

Религиозным обществам, центрам, съездам, запрещено использовать принадлежащие им средства в иных целях, кроме связанных с удовлетворением религиозных потребностей или содержанием этих органов («Постановление» 1929 г. § 17-а; «Инструкция» 1931 г. § 13, «Инструкция» 1961 г. § 11-а). Нелогичность такого запрета доказывается тем, что ему противоречат многие действия, хорошо известные властям и не вызывающие никакого осуждения.

Мы уже говорили о благотворительной деятельности Церкви. Во время войны Патриарх трижды призывал к сбору средств для обороны отечества. На средства, собранные Церковью, была создана танковая колонна «Дмитрий Донской». О многих подобных действиях сообщается в (34) стр. 166, 169, 184, 200, 201. «Положение об управлении Русской Православной Церкви», принятое поместным Собором 1945 г., предусматривает расходование средств на патриотические цели (п. 41). Когда «Положение» было опубликовано, оно не вызвало возражений властей.

Единственным источником материальной поддержки религиозной общины могут быть добровольные пожертвования верующих. Религиозные общины не имеют права устанавливать материальных взносов, обязательных для своих членов — в отличие от многих других добровольных обществ, которые устанавливают членские взносы. В постановлении Президиума Верховного Совета «О применении статьи 142, У.К. РСФСР» (34) разъясняется, что действием, влекущим уголовную ответственность по ст. 142 УК РСФСР, является:

«1. Принудительное взимание сборов и обложений в пользу религиозных организаций и служителей культа».

В книге (33) сообщается о «Циркуляре по вопросу об отделении церкви от государства» НКЮ РСФСР, декабрь 1918, в котором указывалось, что «принудительное взыскание таких сборов, хотя бы под страхом только церковных кар, недопустимо» (стр. 34).

Но пожалуй самой необычной стороной в хозяйственной деятельности религиозных обществ является то, что они **не имеют права обладать собственностью** («Декрет», 1918 г. § 12) и поэтому все приобретенное ими имущество (например, построенные на пожертвования молитвенные здания, пожертвованные иконы, чаши и т. д.) им не принадлежит. Этот принцип установлен еще в «Декрете» 1918 г.:

«13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием».

Он развивается в «Постановлении» 1929 г.:

«25. Имущество, необходимое для отправления культа, — как переданное гражданам по договору при организации религиозного общества, так и приобретенное впоследствии или пожертвованное для целей культа — рассматривается как национализированное и регистрируется комиссией, ведающей вопросами культа при местном совете».

На все это имущество заключается договор, в котором верующие принимают на себя ряд обязательств, перечисленных в «Инструкции» 1961 г. § 30, например:

«а) хранить и беречь переданное в пользование религиозному обществу здание культа и другое имущество,

в) возместить ущерб, причиненный государству порчей или недостатчей имущества;

е) беспрепятственно допускать во всякое время, за исключением времени, в течение которого производится совершение религиозных обрядов, уполномоченных исполкомов районных (городских) Советов депутатов трудящихся к периодической проверке и осмотру имущества».

Судьба этого имущества при ликвидации общества регулируется § 34 той же «Инструкции»:

«а) все предметы из платины, золота, серебра, драгоценные камни, а также предметы обихода (люстры, ковры, мебель и т. п.) передаются местным финансовым органам.

б) все предметы исторической, художественной, музейной ценности передаются в музеи;

в) остальные предметы (иконы, облачения, покрывала и т. п.), предназначенные для отправления культа, могут быть переданы другому действующему религиозному объединению того же культа».

§ 3. Верующие

Какова их численность? Как мы говорили, каких-либо официальных сведений об этом автору обнаружить не удалось. Однако, повидимому, такие сведения существуют. Ведь основываются на чем-то авторы таких заявлений:

«Православия придерживается бо́льшая часть верующих Советского Союза» ((30) стр. 131).

«Среди религий, сохраняющихся в СССР, ислам занимает по числу последователей второе место после православия» ((38) стр. 6).

В «Заявлении» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина говорится о «миллионах верующих».

Мы попытаемся, хотя безусловно очень грубо, оценить число православных в СССР, исходя из данных, приведенных в (30). На стр. 75 говорится, что во всем мире насчитывается 143,4 млн православных (вместе с последователями других восточных церквей). С другой стороны, на стр. 76-130 при-

ведены очень подробные сведения о числе верующих всех вероисповеданий во всех странах кроме СССР. Сложив цифры, относящиеся к православным и другим восточным церквям и вычтя сумму из общего числа 143,4 млн, мы получим грубую оценку числа православных в СССР.

Приведем только цифры, касающиеся стран, где число православных больше 100 тысяч:

Страна:	Число православных (в тысячах):
Франция	180
Греция *) (100%)	8 300
Албания (20%)	300
Болгария (90%)	7 200
Румыния (80%)	14 400
Югославия (41%)	7 600
Венгрия	300
Чехословакия	350
Польша	413
Эфиопия	13 500
Турция	178
Сирия	396
Ливан	679
Ирак	220
Индия	3 000
Канада	240
С.Ш.А.	3 340
Австралия	155

Сумма равна 60 751 тыс. Предположив ошибку (связанную с тем, что не учтены страны с числом православных, меньшим 100 000), равной 10 млн, мы получим, что в СССР — **более 70 млн православных**. Эти цифры не могут дать сколько-нибудь точной картины, т. к. неизвестно по какому принципу они составлены — например, причисляются ли дети к вероисповеданию родителей. Но они могут служить для грубой оценки порядка числа верующих.

*) В пяти странах указан процент православных среди всех верующих. Мы указываем соответствующий процент от всего населения.

Мы попытаемся представить себе, как протекает жизнь верующего в условиях, определяемых существующим сейчас законодательством о религии, привлекая доступные нам сообщения о практике его применения.

КРЕЩЕНИЕ. Естественно начать с этого первого действия, которым человек приобщается к Церкви. Ни в законах, ни в «Инструкциях» нет упоминания о крещении. Это естественно понимать как признание крещения чисто личным делом, от вмешательства в которое государство устраняется. Но есть сообщения, которые говорят, что возможно и другое толкование. В «Заявлении» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина (15) читаем:

«За последние годы должностные лица Совета по делам Р.П.Ц. навязали Русской Церкви такой «порядок», при котором таинства крещения и венчания совершаются только после предварительной и неизбежной регистрации.

Каждый гражданин СССР, желающий принять Св. Крещение, вступить в церковный брак или крестить своих детей, обязан предъявить свой паспорт и (соответственно таинству) свидетельство о браке или свидетельство о рождении представителю церковного совета, который регистрирует предъявленные документы по определенной (уполномоченным Советом) форме (записывая № документа, фамилию, имя и отчество, домашний адрес) и все эти данные скрепляются личной подписью владельца документа».

«Затем регистрационные записи церковных треб систематически просматриваются и переписываются представителями местных органов власти.

В дальнейшем, полученные таким образом данные используются, под видом антирелигиозной пропаганды, для дискриминации граждан, пытавшихся осуществить свое право на предусмотренную Конституцией СССР свободу совести. До недавнего времени таких граждан «прорабатывали» по месту работы или учебы, подвергали «административному давлению», на них помещались оскорбительные карикатуры, их имена с нелестными комментариями склонялись в прессе и т. д.

В настоящее время антирелигиозники все так же продолжают использовать регистрацию церковных треб для административного вторжения в личную религиозную жизнь граждан».

Аналогичные указания есть и в «Открытом письме» верующих Кировской области (16):

«Регистрация паспортов незаконна и введена только для того, чтобы препятствовать распространению христианской веры. В церквях Кировской области постоянно можно наблюдать такую печальную картину: приехали за сотни километров муж и жена с своим младенцем, чтобы его крестить. Но у них не оказалось нужной справки, заменяющей паспорт. Ведь колхозники паспорта не имеют!

Без справки отказывают в крещении!

Происходит драматический разговор между родителями и священником. Мать ребенка со слезами умоляет священника крестить её ребенка без справки. А такую справку во многих районах председатели колхозов и председатели сельсовета не дают».

Необходимость предъявления паспортов родителей при крещении ребенка подтверждает статья «Капитуляция перед невежеством», напечатанная в «Комсомольской Правде» (39). В ней сообщается, что няня поставила условием работы крещение ребенка, **взяла паспорта родителей** (подчеркнуто нами — Авт.) и окрестила.

Наконец, вопрос доступен и экспериментальной проверке: достаточно зайти в любую церковь и спросить, что надо сделать для крещения ребенка.

Трудно представить себе, какими аргументами можно было бы обосновать такие действия. Борьба с крещением предполагает веру в его мистическое значение. Если государство, основанное на связи с определенной религией (как, например, Израиль или Пакистан), может из религиозных соображений протестовать против приобщения ребенка к другой религии, то для государства, опирающегося на атеистические принципы, крещение является действием, лишенным всякого содержания, и не может принести ребенку никакого вреда. Единственное, о чем могла бы идти речь — это защи-

та от простуды, и здесь столь же уместно требование предъявления паспортов, как и в случае, если бабушка хочет угостить своего внука мороженым. Ещё труднее понять требование предъявления и регистрации документов при крещении взрослых.

С другой стороны, эти действия приходят в противоречие с определенными нормами закона. В «Заявлении» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина (15) обращено внимание на такое место «Декрета» 1918 г.

«Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется» (Примечание к § 3).

Регистрация документов родителей при крещении детей или крестящихся взрослых очевидно является одним из видов фиксирования религиозной принадлежности граждан.

Опасность таких, не регламентированных законом, действий весьма велика — они разрушают веру в правовую основу общества и часто служат началом цепной реакции других подобных действий. В «Заявлении» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина (15) читаем:

«Вся эта незаконная практика фиксирования религиозной принадлежности граждан, направленная на их дискриминацию, установлена должностными лицами Совета по делам Р.П.Ц. путем неофициального устного диктата исполнительным органом религиозных обществ, причем уполномоченные Совета принуждают церковные советы к прямому правонарушению, так как, согласно Советскому Законодательству, представитель церковного совета — частное лицо и не имеет права проверки и тем более регистрации документов.

Отчетливо сознавая противозаконность своих действий и неприятные последствия возможных законных протестов, уполномоченные Совета категорически отказываются письменно подтверждать свои распоряжения о порядке и форме регистрации церковных треб. В то же время уполномоченные Совета требуют неукоснительного исполнения этих распоряжений, выводя из состава исполнительных органов церковных советов тех лиц, которые, не желая нарушать гласное Советское законодательство, отказываются подчиняться устной инструкции».

Нельзя быть уверенным, что фиксирование религиозной принадлежности не будет использовано во вред верующему. Можно встретить, например, газету с фотографией пяти профессоров одного института, снабженную такой подписью:

«Сии «ученые мужи», верующие в «господа бога», конечно, считают себя во всех отношениях вышестоящими личностями над т. Мироновой, покончившей со всякими богами. Они горды своей образованностью, они полны интеллигентской чванливостью, они воображают себя «солью земли». Пусть воображают! А мы знаем, что на самом деле они, по сравнению с т. Мироновой, — полное ничтожество. Они — мракобесы, потерявшие достоинство человеческой личности, тупые враги подлинной науки и трудящихся. Они нечто омерзительное. Мы шлем горячий привет т. Мироновой и требуем изгнания из наших учебных заведений мракобесов, хотя бы и со званием профессоров» (40).

Этот документ относится к 1929 г. Но в советской прессе можно найти сообщения о притеснениях, которым подвергались верующие и в недавнее время: детям баптистов в г. Фрунзе отказывают в приеме в музыкальные и художественные школы из-за религиозных убеждений родителей ((41) стр. 76), рабочих переводят на другую работу или увольняют за религиозность, студентов исключают из вузов ((42) стр. 6). Позже, в связи с вопросом о воспитании верующими детей, мы приведем сообщения о случаях лишения родительских прав в связи с религиозными убеждениями родителей.

ДЕТИ. Вопрос о крещении вводит нас в трудную тему законодательной регламентации отношения детей к церкви. В законе мы не находим никаких ограничений ни религиозной жизни детей (посещения церквей, причащения), ни в частности их участия в церковной службе. Но в «Открытом письме» Н. Эшлимана и Г. Якунина (32) говорится.

«За последние годы уполномоченные Совета по делам Р.П.Ц. путем устных распоряжений Епископам, настоятелям храмов и старостам церковных советов запретили какое-либо участие детей и подростков до 18 лет в храмовом Богослужении. Более того, во время Великих Церковных Праздников милиционеры и дружинники зачастую вовсе не допускают

христианскую молодежь в храмы. Наконец «детоборческая» практика в некоторых епархиях дошла до того, что под давлением уполномоченных «Совета» священнослужители отказывают детям в приобщении Святых Тайн!»

В «Открытом письме» верующих Кировской области (16) сообщается:

«9, 10 и 11 августа 1963 г. большие наряды милиции и дружинников с 6 часов утра и до 4 часов вечера кольцом оцепили единственную в городе Кирове Серафимовскую церковь и не пропускали в церковь женщин с детьми, а также подростков с 8 до 18 лет».

«Поэтому достаточно было уполномоченному сказать священникам, чтобы они детей школьного возраста не исповедовали и не причащали, как это тотчас же, и притом без всякого объявления верующим, было точно исполнено.

С середины августа 1963 г. (с начала Успенского поста) в Серафимовской церкви г. Кирова слышались стоны и плач женщин и детей. Священники без объяснения категорически отказались исповедать и причащать детей школьного возраста и причащать детей дошкольного возраста, приведенных (принесенных) бабушками. Этот порядок существует и до сих пор.»

В статье «Отрок Нелепович», напечатанной в «Комсомольской Правде» (43), рассказывается, как школьник пел на клиросе, носил свечи и т. д. пока кто-то из членов парткома совхоза не вспомнил о существовании **закона** (подчеркнуто нами — Авт.), запрещающего привлекать подростков к работе в церкви.

Каким образом может подрастающий ребенок познакомиться с религией? В «Декрете» 1918 г. говорится:

«9. Школа отделяется от церкви.

Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом».

В «Постановлении» 1929 г. повторяется запрет преподавания религии иначе как в специальных духовных учебных заведениях (§ 18). Религиозным обществам запрещено организовывать религиозное образование (§ 17, в).

В статье 142 УК РСФСР под нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви понимается, в частности:

«5. Организация и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии с нарушением установленных законодательством правил».

«Установленные законодательством правила» разрешают, как мы видели, обучение религии частным образом. Но что под этим понимается?

В инструкции НКВД и Наркомпроса № 461 «О порядке занятий с детьми вне школы» говорится (цитируется по (31)):

«1. Запретить занятия с детьми вне школы путем организации групповых занятий с группами детей — количеством более 3 человек.

2. Занятия с группами детей не более 3 человек разрешить лицам соответствующей педагогической квалификации, каковая устанавливается отделами народного образования».

(Эта инструкция относится к преподаванию любых предметов, но приведена в (31) в пункте «Преподавание вероучения детям не должно отливаться в форму групповых занятий», стр. 367).

Гораздо более радикальное мнение высказывается в книге (33): «Под нарушением таких правил следует понимать проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии в любой форме, кроме обучения родителями своих детей» (стр. 37). Таким образом, автор полагает, что под ст. 142 подпадает и карается исправительными работами на срок до одного года обучение религии своих сестер или братьев или бабушкой внука.

К «деяниям, предусмотренным в п. 5 постановления» автор относит также «занятия по религии родителей со своими детьми, в которых систематически участвуют дети других верующих» (стр. 37).

С большими трудностями должны сталкиваться дети верующих в средней школе в связи с атеистической направленностью преподавания. В постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» говорится:

«10 ...Преподавание предметов (история, литература, естествознание, физика, химия и т. д.) насытить атеистическим содержанием, ...»,

а в постановлении идеологической комиссии при ЦК КПСС:

«Усиливается антирелигиозная направленность школьных программ, ...» ((44) стр. 85-92).

Действительно, в школьных учебниках есть много мест, обязательное изучение которых ставит верующего ребенка в очень тяжелое положение. Вот несколько примеров:

Из учебника по истории для пятого класса (45):

«Около двух тысяч лет назад появились сказания, будто на Землю приходил с неба бог и жил здесь под видом человека по имени Иисус Христос. Хотя эти сказания были вымышлены, люди им верили» (стр.30).

Название раздела: «Миф о Христе» (стр. 227).

«Научные знания с самого своего возникновения пришли в противоречие с религией» (стр. 239).

Из учебника по обществоведению для десятого класса (46):

«Религия — это фантастическое, извращенное отражение мира в сознании человека» (стр. 42).

«Объясняя явления природы естественными причинами, наука не оставляет места для бога» (стр. 42).

«С момента своего возникновения и до наших дней религия обычно играла и играет реакционную роль» (стр. 42).

«Религия стала орудием духовного порабощения масс» (стр. 42).

Религия и церковь отравляют сознание людей, задерживают их духовное и нравственное развитие, мешают их общественной деятельности. Религия и в условиях социализма является оплотом невежества...» (стр. 286).

«Религия насаждает идеологию рабской покорности, расклеивает волю и сознание верующих» (стр. 286).

Название раздела: «Религиозным пережиткам — решительный бой» (стр. 287).

Из учебника по русской литературе для 9-го класса (47):

«Мыслящий, прогрессивный читатель не верит в спасительную силу христианского смирения» (стр. 268).

«...и евангелие, о котором говорится на последней странице, не может заслонить от нас главного: ...» (стр. 268).

К слову евангелие — сноска: «Евангелие — книга, состоящая из легендарных рассказов о жизни и учении Христа».

«...проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете: религии, стремление поставить на место попов на казенной должности попов по убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины» (стр. 305).

В ИНСТИТУТЕ. Предположим, что лицо, за судьбой которого мы следим, повзрослело и, все же не перестав быть верующим, поступило в высшее учебное заведение. Тут ещё ждёт тяжелое испытание: экзамен по обязательному курсу «Научного Атеизма». Совместим ли этот экзамен с его убеждениями? Можно сказать, что на экзамене проверяются не убеждения, а знание некоторых фактов. Но надо себе, повидимому, представлять так, что студент обязан прослушать этот курс и на экзамене повторить то, что было сказано на лекциях. О содержании курса представление дает учебник (48).

Книга состоит из таких разделов как: «Несостоятельность попыток доказательства бытия бога», «Антинаучность религиозных представлений о мире и человеке», «Искажение нравственных понятий и норм в религиозном сознании», «Религиозные пережитки при социализме».

Уже во введении необходимость курса обосновывается тем, что «идеологи религии стремятся доказать совершенно ложную идею о религии как якобы главном двигателе общего прогресса человеческого сознания, культуры» (стр. 15).

Студент должен усвоить утверждения:

«религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого

действительного убожества». «Религия есть опиум народа» (стр. 22).

«Реакционная роль религии объясняется её антинаучностью» (стр. 23).

«Религия и в наших условиях продолжает играть роль духовной сивухи, опиума, убивающего в человеке творческое, активное начало, воспитывающего бездеятельного человека, способного только на то, чтобы вымалывать милости у бога» (стр. 55).

«Вера, которая не основывается на фактах и доказательствах, вера, совершенно не обоснованная ничем, — это не что иное, как легковерие, это и есть та почва, на которой произрастают суеверия и предрассудки, в том числе и религиозные». «Всякие разумные критерии и оценки отбрасываются, их место занимают самые нелепые выдумки» (стр. 185).

«Аморальное поведение церковников не только не противоречит религиозной морали, но, напротив, сплошь и рядом прямо вытекает из неё» (стр. 257).

«Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение...»

«На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества...» (стр. 55).

Последние высказывания конечно особенно оскорбительны для чувств верующего-христианина, но если он исповедует, например, иудаизм, то ему надо знать к экзамену, что

«В настоящее время иудаизм представляет собой одну из разновидностей религиозных пережитков, ещё сохранившихся в нашей стране» (стр. 168).

Может ли верующий, оставаясь верным своим убеждениям, выслушивать эти и многие подобные утверждения на лекциях и повторять их на экзаменах? Вероятно, ему приходится делать выбор: вера или высшее образование.

Нам представляется, что такое положение противоречит «Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования», ратифицированной Советским Союзом 2 июля 1961 г. (см. (49) № 1039). Её статья 3 содержит обязательство:

«В целях ликвидации или предупреждения дискриминации, подпадающей под определение, данное в настоящей Конвенции, государства, являющиеся сторонами этой последней, обязуются:

а) отменить все законодательные постановления и административные распоряжения и прекратить дискриминационную практику в области образования».

Определение дискриминации содержится в статье 1, где, в частности, говорится:

«1. В настоящей Конвенции выражение «дискриминация» охватывает всякое различие, исключение, ограничение или предпочтение по признаку..., религии, ..., которое имеет целью или следствием уничтожение или нарушение равенства отношения в области образования и, в частности,

а) закрытие для какого-либо лица или группы лиц доступа к образованию любой ступени или типа, ...»

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ. Брак и венчание возвращает нас к вопросу о регистрации документов при венчании. Сообщение об этом содержится в цитате из «Заявления» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина, приведенной в начале этого параграфа. Но вот появились дети, и верующий оказывается в гуще тех тяжелых вопросов, о которых мы говорили — о крещении детей, их религиозной жизни, обучении их религии.

В законодательстве нет никаких указаний, ограничивающих право родителей воспитывать детей в своей религии. Больше того, возможность обучения религии частным образом такое право косвенно подтверждает. Однако отсутствует и четкая констатация этого права, а это уже опасно, особенно ввиду высказываний в совершенно противоположном духе, которые иногда делаются. Приведем примеры:

Из доклада Л. Ф. Ильичева (6):

«Мы не можем допустить, чтобы слепые невежественные люди растили детей по собственному образу и подобию, калечили их» (стр. 38).

Из статьи по поводу религиозного воспитания своих детей Феодосией Кузминичной Вараввой:

«И тут мы должны дать вполне ясное и точное разъяснение по поводу попыток Феодосии Кузминичны доказывать свое «право» на религиозное воспитание «собственных детей».

Такого права у неё нет.

Советских детей воспитывает все социалистическое общество, в том числе школа и семья; и воспитывает оно их в духе коммунизма. А что касается свободы совести, на которую так любит ссылаться Феодосия Кузминична, то этой свободой в нашей стране пользуются взрослые люди. Станут Павлик и Зина совершеннолетними — вот и начнут пользоваться всеми правами советских граждан, включая и свободу совести» (К. Устименко и А. Григорович. «Опасная ошибка Феодосии Кузминичны» (50)).

Чтобы указать на противоположную точку зрения, приведем цитату из «Международного пакта о гражданских и политических правах», под которым стоит подпись и Советского Союза:

«Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями» (статья 18, п. 3, 3 (51)).

В другой статье, посвященной той же Феодосии Кузминичне Варавва, говорится:

«Когда родители или заменяющие их лица не выполняют добросовестно свои родительские обязанности, мы применяли, применяем и будем применять общественные и административные меры, а в некоторых случаях обращаться и к суду». «Мне кажется, что положение в семье Вараввы касается местных общественных организаций, в особенности же Суда родительской чести.

Я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы напомнить, что эти суды были созданы во всех городах и районах нашей области. Руководствуясь в своей работе уставом Суда чести, они изучают сведения о неправильном воспитании детей, дурном поведении в семье и оскорблении женщин.

Лишение родительских прав — крайняя мера и приме-

няется в случаях, когда суд приходит к выводу, что родители калечат детей морально и физически» (Н. Брюсова. «Опасная ошибка Феодосии Кузминичны» (62)).

Из других сообщений прессы можно заключить, что высказанная в этой статье угроза лишения верующих родительских прав иногда действительно приводится в исполнение.

Газета «Сельская жизнь» сообщает, например, что лесник Пустошинского лесхоза Дмитрий Сохраняев «впал в религию в связи с тяжелым недугом». Его дети сняли пионерские галстуки, ходят в церковь, ослабели от постов. Суд лишил Сохраняева и его жену Анну Севастьяновну родительских прав по отношению к их детям Любе, Маше и Дусе (53).

В статье «Суд над сектантом» в «Учительской газете» (54) сообщается о выездной сессии народного суда в местечке Виесите Екабпилоского района Латвийской ССР, Пятидесятники Янис и Зента Осма обвинялись в том, что каждое воскресенье отправляют детей Руту, Яниса и Петериса на молебен, запрещают им посещать кино, концерты, смотреть телевизор и читать художественную литературу. Общественный обвинитель предложил передать детей на попечение государству, лишив родителей их прав. Суд поддержал его.

«Комсомольская Правда» (55) публикует фотографию четырех детей, стоящих на коленях. В заметке «Плоды мракобесия» говорится: «четверо малышей из Подмосковья, которых вы здесь видите, уже вырваны из-под опеки верующих фанатиков».

В учебнике обществоведения для десятого класса (46) рассказывается:

«Поучителен поступок молодого ленинградского рабочего-комсомольца Роберта Малоземова. Мать и отчим его — сектанты. Они заставляли Роберта, его братьев и сестер выполнять религиозные обряды, лишали возможности посещать кино и театры. Рабочие и армейские коммунисты помогли Роберту порвать с религией. Он мог бы просто уйти от родителей, но там оставались его братья и сестры. И Роберт добился опекуна над шестью братьями и сестрами.

Ему на помощь пришли заводской коллектив, комсомольская и профсоюзная организации. Его поддержка «Комсомольская правда». Дети были вырваны из рук сектантов» (стр. 288).

ЦЕРКВИ. ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА. В разделе об основании религиозной общины мы приводили сообщения, свидетельствующие о недостаточности количества церквей. В письме верующих г. Чернигова, опубликованном в (11), говорится:

«...в настоящем маленьком Воскресенском храме теснота невероятная, духота, обмороки и даже смертные случаи, это не выдумка, а правда. Можно Вам перечислить этих людей:...» Они подтверждаются и другими источниками, например, «Открытым письмом» верующих Кировской области (16):

«Огромное число верующих лишено даже возможности посещать богослужения, так как во многих районах на сотни километров закрыты все храмы.»

Можно предположить, что получение религиозной литературы тоже сопряжено с затруднениями. На эту мысль наводит постановление Совета Министров Узбекской ССР от 7 февраля 1969 г. № 65. В нем читаем:

«3. Обязать Министерство внутренних дел Узбекской ССР ...принять меры... по пресечению продажи и распространения религиозной литературы (фотокопий проповедей, фрагментов из корана, магнитофонных лент и грампластинок с записями религиозных стихов, песен и т. п.)...» ((58) стр. 231). Насколько расплывчаты представления о том, что здесь является криминалом, видно, например, из описания обыска в связи с арестом пресвитера секты «Свидетели Иеговы».

«При обыске у него изъяли... магнитофонные ленты с записями религиозных бесед и песнопений...» (57).

БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ, ПОГРЕБЕНИЕ. В жизни верующего могут быть случаи, когда он не в состоянии посетить церковь (болезнь, содержание под стражей). В этих, да и в других случаях возникает вопрос о совершении треб вне церкви. В «Постановлении» 1929 г. об этом говорится:

«57. Во всех государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и предприятиях не допускается совершение каких-либо религиозных обрядов, а также помещение каких-либо предметов культа.

Запрещается совершение религиозных обрядов в помещениях общего пользования и в различных общежитиях.

Настоящее запрещение не распространяется на отправление по просьбе умирающих и тяжело больных, находящихся в больницах и в местах заключения, религиозно-культурных обрядов в особо изолированных помещениях, а равно на отправление религиозных обрядов на кладбищах и в крематориях».

Безусловно, надо всемерно добиваться осуществления этих положений закона. Но можно ли их признать достаточными?

Не понятно, почему надо быть умирающим, чтобы иметь право пригласить священника, почему должна так сильно страдать духовная жизнь верующих, если они просто больны, или здоровы, но находятся в местах заключения. В связи с этим обратим внимание на рекомендации 1 конгресса Объединенных Наций по вопросу предотвращения преступления и обращения с правонарушителями (58). Он рекомендует чтобы служитель религии допускался к заключенному по любому требованию заключенного (правило 42).

Заметим, что в связи с цитированным параграфом «Постановления» оказываются не обеспеченными и права верующих, отбывающих воинскую обязанность. В то же время закон не предусматривает права отказа от воинской обязанности, мотивируемого религиозными убеждениями («Декрет», 1918 г. § 6).

Закон ничем не ограничивает право совершать требы дома у верующих. В «Инструкции» 1931 г. это даже сформулировано явно:

«26. Отдельные отправления в частных квартирах религиозных обрядов, как-то: панихид, крещения, принесения икон на дом и т. п. происходят без разрешения или уведомления органов власти».

Однако «Инструкция» 1961 г. вводит ограничение, ко-

того совершенно нет в законе и которое прямо противоречит цитированному выше месту «Инструкции» 1931 г.:

«9. Религиозные объединения и служители культов не могут без разрешения исполкомов районных (городских) Советов депутатов трудящихся:

. ,

б) устраивать религиозные шествия, совершать религиозные обряды и церемонии под открытым небом, а также в квартирах и домах трудящихся.

С этим стоит сравнить «Открытое письмо» (32) Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина:

«Так, например, в Московской епархии при перерегистрации духовенства в 1961-62 г. всем священникам было предложено подписать негласное распоряжение Совета по делам Р.П.Ц., предписывающее совершать требы на дому и панихиды на кладбищах только по разрешению местных властей (которое практически почти никогда не дается), причем уполномоченный Совета по Москве и Московской области Трушин выдавал священникам регистрационные справки только после того, как они расписывались в том, что будут выполнять это распоряжение. Важно отметить, что при этом «распоряжение» осталось на руках у Трушина, а расписавшиеся священники не получали даже его копии.

Таким образом, хотя в данном случае диктат уполномоченного осуществляется путем письменного распоряжения, это был все тот же незаконный диктат, идущий вразрез с гласным законодательством и не только попирающий провозглашенную Конституцией свободу совести, но на сей раз прямо вторгающийся в личную жизнь граждан. Ибо по прямому смыслу указанного «распоряжения» никакой гражданин Советского Союза не может без специального разрешения местных органов власти пригласить к себе в дом священника для совершения молебна о здравии своего больного ребенка или панихиды о упокоении своих почивших родителей, не рискуя при этом поставить священника, своего пастыря и гостя, перед угрозой лишения регистрации!»

Вот что по этому поводу говорится в «Открытом письме» верующих Кировской области (16):

«В Кировской епархии, начиная с 1961 г. по настоящее время священники для совершения исповеди, причащения и соборования на дому больных требуют специальное разрешение Горсовета или Сельсовета. Практически такое разрешение получить во-время невозможно, и больные умирают без причащения и соборования».

«С этим вопросом мы обращались в Совет по делам Р.П.Ц. Чиновник Совета заявил: «Попы все обманывают. Никакого специального разрешения для причащения и соборования больных на дому не требуется».

В то же время чиновник отказался дать официальное распоряжение по этому вопросу на имя областного уполномоченного. Он сослался при этом на существующие законы».

Смерть, казалось бы, кладет конец тем правовым проблемам, с которыми верующий сталкивается в жизни. Но это не совсем так — тело его еще покоится на кладбище. Напомним, в связи с этим, цитированный выше § 57 «Постановления» 1929 г., который разрешает совершение панихид на кладбищах без специального разрешения властей — но также и только что приведенную цитату из «Открытого письма», в которой упоминаются и ограничения совершения панихид на кладбищах.

Верующие не имеют права создавать собственные кладбища: «Советское правительство изъяло захоронение покойников и кладбища из рук церковных мракобесов и передало гражданским органам» ((8), стр. 111). Ввиду этого приходится жалеть об отсутствии в законе положений, ограждающих верующих от антирелигиозной пропаганды хотя бы на кладбищах. Советы об организации такой деятельности можно найти, например, в книге (8):

«Не стоит и пропагандистам атеизма обходить стороной кладбища. Антирелигиозная пропаганда должна доходить прежде всего до верующих. Почему не использовать оправдавший себя опыт прошлых лет, когда во время «поминальных» дней на кладбищах развешивались выставки и проводились групповые и индивидуальные беседы на атеистические темы?» (стр. 116).

§ 4. Священники

Мы уже не раз встречались с понятием «регистрации» и «перерегистрации» духовенства и приводили сообщения о том, как сильно зависит деятельность священника от этой процедуры. Поэтому мы воспроизведем относящееся сюда место закона — «Постановления» 1929 г.

«8. Список членов религиозного общества или группы верующих, а также их исполнительного органа и ревизионной комиссии и их служителей культа должен быть сообщен в форме, указанной постоянной комиссией Президиума ЦИК РСФСР для рассмотрения вопросов культа, административному органу, который должен провести регистрацию этого религиозного общества».

Мы видим, что здесь речь идет даже не о регистрации служителя культа (регистрируются религиозные объединения), а об информации соответствующего административного органа.

В то время как закон формулирует право исполкомов местных органов власти отводить отдельных лиц из состава исполнительных органов и ревизионных комиссий религиозных обществ, такое право законом им не предоставляется по отношению к служителям культа. Отсюда вытекает, как совершенно логично указывается в «Заявлении» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина (16), что в отношении священников регистрация носит не **санкционирующий**, а **фиксирующий** характер.

Инструкция об учете религиозных объединений (5) от 31 октября 1968 года в этом вопросе вводит несколько положений, противоречащих закону:

«19. Уполномоченный Совета выдает служителю культа справку о взятии на регистрационный учет...

Служители культа могут приступить к своей деятельности только после представления о них сведений, указанных в § 17 настоящей инструкции, и получения справки о их регистрации.

.....

При неоднократных же нарушениях исполкомы местных Советов и уполномоченные вносят в Совет по делам религии предложение о снятии служителя культа с учета...»

Такое отклонение «Инструкции» от закона, на котором она должна основываться, может конечно привести к очень опасным последствиям. В «Заявлении» Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина (16) читаем:

«Однако, вопреки законодательству уполномоченные Совета по делам Р.П.Ц. присвоили себе «право» отвода священнослужителей, тем самым превратив регистрацию священнослужителей из акта фиксирующего в акт санкционирующий.

Пользуясь этой подтасовкой, руководители и уполномоченные Совета по делам Р. П. Ц. установили в Русской Церкви такую практику, при которой ни одна хиротония (посвящение в сан), поставление на служение а также перемещение духовенства, не может обойтись без предварительного устного согласия руководителей или уполномоченных Совета на последующую официальную регистрацию».

В их же «Открытом письме» (32):

«Используя все те же испытанные методы негласного диктата, чиновники Совета всячески препятствуют рукоположению тех лиц, в которых Совет видит потенциальную силу, способную в дальнейшем противостоять незаконным действиям безбожников, направленным на разрушение Св. Церкви».

«Кроме того, Совет по делам Р. П. Ц. способствует проникновению в ряды пастырей и дальнейшему продвижению по службе лиц, нравственно неустойчивых, маловерных, а иногда и вовсе беспринципных, способных служить злему делу — разложению Св. Церкви, а в подходящий момент и вовсе отречься от Христа».

О том же говорится и в «Открытом письме» верующих Кировской области (16):

«Как же нам быть, ведь он (священник) бесчинствует и вымогает деньги?» — спросила Е. Р. Нечанова.

«Вот нам такие священники и нужны» — сказал улыбаясь уполномоченный...»

«Епископ Иоанн, как хорошо теперь стало известно, должен был своими действиями погасить веру в сердцах людей, чтобы верующие сами закрыли церкви».

«Когда последний (церковный староста) 17 февраля 1965 г. явился к еп. Иоанну по вопросу о назначении священника, то епископ в течение двух часов набрасывался на него с кулаками и кричал: «Я тебя отправлю в НКВД!»

«Здесь он, в присутствии многих людей, угрожал В. В. Талантову прокурором и вел себя так, как будто он был следователем НКВД, производящим арест во время Ежовщины».

«Тем самым он открыто стремился показать, что он не только епископ, но и ещё влиятельный чиновник следственных органов».

«Секретарь сказал: «Ваш епископ Иоанн теленок по сравнению с митр. Антонием, который много людей отправил в тюрьму!»

«Уполномоченные Совета по Кировской области с 1960 по 1968 г. сняли с регистрации 21 священника».

Закон накладывает два ограничения на деятельность священника. Первое следует из запрета религиозных обрядов в общественных помещениях — мы говорили о нем в предшествующем пункте. Второе предписывает, чтобы деятельность служителя культа не распространялась за пределы района, в котором расположено религиозное объединение, пользующееся его услугами (§ 19 «Постановление» 1929 г.).

«Инструкция» прибавляет к этим ограничениям целый ряд других, ни в какой форме не содержащихся в законе. Прежде всего, в них принятая законом формулировка изменяется в том отношении, что запреты, налагаемые законом на религиозные общества, распространяются и на служителей культа: вместо слов «религиозным обществам воспрещается...» (§ 17 «Постановления» 1929 г.) мы встречаем выражения: «Религиозные общества и служители культа не должны...» (§ 8 «Инструкции» 1931 г., § 8 «Инструкции» 1961 г.).

Аналогичное положение в этом отношении занимает Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об админи-

стративной ответственности за нарушение законодательства о культах» от 18 марта 1968 г. Согласно Указу, ...«нарушение законодательства о культах, выразившееся в ... организации и проведении служителями культа и членами религиозных объединений специальных детских и юношеских собраний, а также трудовых, литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа, — влечет за собой штраф в размере до пятидесяти рублей, налагаемый административными комиссиями при исполнительных комитетах районных, городских Советов трудящихся». Как мы видели, эти действия, предпринятые служителями культа, не являются нарушением законодательства о культах, т. к. это законодательство не содержит для них таких ограничений, — если только сам Указ 18. III. 1968 г. не считать неявной формой такого законодательства (судя по заглавию, он рассматривает лишь вопрос об ответственности за нарушение уже ранее существующего законодательства).

Перечень запрещенных видов деятельности (который в законе относится лишь к религиозным обществам) в обеих «Инструкциях» предварен следующей преамбулой:

«8. Религиозные объединения и служители культа не должны заниматься другой деятельностью, кроме деятельности, направленной на удовлетворение религиозных потребностей верующих».

Образ человека, всю свою жизнь не совершившего ничего кроме «деятельности, направленной на удовлетворение религиозных потребностей» — настолько фантастичен, что критиковать это требование кажется совершенно лишним. Но даже если под «деятельностью» понимать лишь в том или ином смысле «общественную деятельность», то это будет ничем не оправданным нарушением права священника как гражданина своей страны. Да и установившаяся практика прямо противоречит такому ограничению. Приняв его, мы должны были бы признать незаконной деятельность Православной Церкви и её служителей, направленную на борьбу за мир (напр. (59) и (60)), протесты против войны в Корее (61) или в районе Суэцкого канала (62). В положении соучастника оказывается и Совет по делам религий, который должен:

«2. Содействовать религиозным организациям в осуществлении международных связей, участии в борьбе за мир, за укрепление дружбы между народами» (68).

Легко понять, как наличие такого типа инструкций затрудняет работу священника. В том же направлении влияют и публичные высказывания, которые так же не согласуются с законом, как и эти инструкции. Так, в качестве примера деятельности священника, с которой следует бороться, приводится: «С 1959 г. священники Касимовского района организовывали для молодежи прогулки в лес, дарили подарки, заводили разговоры о счастье и добре» ((24), стр. 77). В другом месте сообщается о священнике, отправляющем религиозные обряды вне церкви, «хотя, как он знает, это запрещено законом: он посещал своих прихожан и причащал их дома» (64). Как мы видели, священник не мог знать, что «это запрещено законом», т. к. закон такого запрета не содержит. Но запрет содержится в «Инструкции» — именно она, а не действия священника противоречат закону.

В печати можно найти указания на судебные преследования священников. Например, Калининский городской суд лишил верующую Марию Артемьеву родительских прав. «Суровую меру наказания понес и её духовный наставник Борис Анисимов, который мучил умы верующих, стараясь через родителей заманивать под купол церкви школьников» ((65), стр. 233). (Мы порвали с религией. Рассказы бывш. верующих. М. 1961).

Священник в Лихославле был осужден за попытку привлечь молодежь в церковь ((65), стр. 230-234). В Оренбургской епархии в 1960 г. 46 священников находились под следствием по различным обвинениям ((66) стр. 50).

Можно понять, что число священников сокращается. Как сообщается в (8) «В России было около 300 тыс. черного и белого духовенства, ныне его насчитывается немногим более 14 тысяч» (стр. 8). «Разительные изменения, происшедшие за годы советской власти, наглядно видим из приведенных данных:

	Петербург 1917 г.	Ленинград 1961 г.
Население	2 165 000	3 200 000
Церкви	425	17
Духовенство	4 500 чел.	150 чел.

(стр. 27).

О том же говорит и изменение числа высшего духовенства. В 1917 г. в Русской Православной Церкви было 163 епископа. В 1942 г. при осуждении главы Украинской Автокефальной Церкви их было всего 11 ((36), стр. 141-142), в 1943 г. при избрании патриарха Сергия — 19.

Само существование духовенства зависит, конечно, от возможности готовить его в духовных учебных заведениях. Поэтому понятна тревога, которую вызывает среди верующих уменьшение числа семинарий и препятствия в их деятельности. В «Открытом письме» (32) Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина читаем:

«Беда обрушилась и на очаги христианского просвещения: одна за другой были закрыты семинарии в Киеве, Ставрополе, Саратове, Волыни-Жировцах».

Таким образом, здесь говорится о **четырёх** закрытых за несколько лет семинариях. Сопоставим с этим то, что в (48) стр. 90 говорится о **трех** действующих сейчас.

Далее в (32): «...чиновники Совета производят тенденциозный отсев абитуриентов духовных учебных заведений, лицемерно прикрываясь заботой о благе Церкви, препятствуют рукоположению достойных ставленников, не имеющих высшего духовного образования, не позволяют лицам, получившим высшее светское образование, отдать свои силы служению Св. Церкви и т. д.».

О трудностях, которые встречаются в работе семинарий, говорят и цифры, приведенные в (8) о Ленинградской семинарии: «В 1951 г. из 28 слушателей семинарии только 10 дотянуло до выпуска, в 1953 — 4 из 25» (стр. 130).

III. ВЫВОДЫ

Наши сведения о положении религии очень неполны. Но уже то, что было выше изложено, приводит к следующим выводам:

1) Существующие сейчас законы во многих важнейших вопросах не обеспечивают достаточных гарантий нормального развития религиозной жизни, осуществления провозглашенного в Конституции принципа свободы совести.

2) Инструкции, которые должны разъяснять применение законов, содержат новые положения, не вытекающие из законов, а в некоторых случаях им противоречащие.

3) Есть веские основания опасаться, что на практике нарушаются и инструкции и законы о религии.

Такая ситуация чревата самыми серьезными опасностями для жизни общества.

Ограничения и нарушения свободы религиозной жизни прежде всего, конечно, жестоко ранят верующих — десятки миллионов граждан нашей страны. А ведь надо помнить, что здесь речь идет о вопросе, являющемся для них основным вопросом жизни.

Но кроме того, в какой бы области ни совершались действия, противоречащие закону, они дискредитируют правовые основы **всего** общества. Поэтому от них страдают не только верующие, но и те кто стоит в стороне от религии. В этом отношении симптоматичны многочисленные указания «Заявления» (15) и «Открытого письма» (32) Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина. Согласно этим документам, в области

отношений между Православной Церковью и Советом по делам Р. П. Ц. в ряде случаев допускаются нарушения законов ((15) §§ 1, 2, 3, 4), принуждение к нарушению законов ((15) § 3), практика устных и телефонных распоряжений, апелляция к секретным инструкциям, текст которых не вручается лицам, обязываемым их исполнять.

Можно опасаться, что здесь существуют и другие, не менее тревожные факты. Так, если мы обратимся к основному закону, регламентирующему положение религии, «Постановлению» 1929 г., то увидим, что в издании(56) его текст снабжен примечанием, в котором говорится:

«Статьи 4, 5, 6, 8, 10, 12, 18, 20, 27, 33, 34, 39, 41, 43, 44, 45, 47, 48, 54, 59, и 63 в редакции Указа Верховного Совета РСФСР от 19 октября 1962 года (не подлежит опубликованию)».

Заметим, что изменения, о которых здесь говорится, весьма существенны. Так, например, в новой формулировке § 59: «Религиозные шествия, совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом, **а также в квартирах и домах верующих** допускаются с особого каждый раз разрешения исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся» — подчеркнутые слова прибавлены сравнительно с текстом 1929 г.

Но как понимать, что Указ 1962 года не подлежит опубликованию? Повидимому, мы имеем здесь дело с неопубликованным законом. Ситуация сложная, т. к. незнание закона не избавляет от ответственности за его нарушение. Единственное указание на такое явление, которое автору удалось найти в советском законодательстве, — это Указ Верховного Совета СССР от 19 июня 1958 г. № 14 «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР, постановлений Верховного Совета СССР, Указов и постановлений Верховного Совета СССР, Указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР»:

«1. Установить, что законы СССР, постановления и другие акты Верховного Совета СССР, указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР подлежат опубликованию в «Ведомостях Верховного Совета СССР» на языках

союзных республик не позднее семидневного срока после их принятия».

«3. Указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР, не имеющие общего значения или не носящие нормативного характера, рассылаются соответствующим ведомствам и доводятся ими до сведения лиц, на которых распространяется действие этих актов. Они могут быть не опубликованы по решению Президиума Верховного Совета».

В какой мере эти условия выполнены в случае законодательства о религии? Представляется несомненным, что закон, касающийся общих вопросов положения религии имеет общее значение и носит нормативный характер. Лицами, на которых распространяется его действие, например, в части, запрещающей отправление треб на дому без разрешения властей, — являются все верующие, а до их сведения его нельзя довести иным способом, кроме опубликования. Все это очень трудно согласовать с нормами Указа 1958 г.

Надо учесть, что мы не знаем других статей Указа 1962 г. кроме тех, которые отразились в изменении статей «Постановления» 1929 г., приведенном в (56). Другие статьи там заведомо есть: в том же примечании в (56) говорится: «Этим же Указом изменены редакции статей 25, 28, 29, 30, 38, 40, 46, 51, 52, 57, 58 и 61». Но, например, §§ 57 и 61 приведены в (56) в той же формулировке, что и в «Постановлении» 1929 г. — изменения, внесенные Указом 1962 г. в (56) не отражены.

Повидимому, с аналогичным явлением мы сталкиваемся в постановлении Совета Министров Узбекской ССР, из которого мы цитировали в § 3 ч. II пункт, обязывающий Министерство внутренних дел пресекать распространение религиозной литературы — в тексте, опубликованном в (56), имеется ремарка «протоколно».

Нельзя забывать, что все это — устные распоряжения, секретные инструкции, о которых говорится в документах Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина, и неопубликованные законы, в существовании которых мы имели возможность убедиться — относится к области религии, которая, казалось бы, не имеет ничего общего ни с внешней политикой, ни с обороной,

ни с экономикой, что могло бы как-то оправдать отсутствие полной гласности. Может ли быть уверенность, что такие действия, подрывающие правовые основы общества, ограничатся лишь этой областью?

Наконец и с точки зрения тех, кто враждебен религии и стремится к её уничтожению, тактика ограничений и запретов является бессмысленной. Вряд ли есть факт, который был бы столь полно подтвержден историей, как то, что подобные меры приводят к обратным результатам: религиозная жизнь не ослабевает, но уходит вглубь, уменьшаются или совсем разрываются её связи с обществом и государством. Примером этому является и наша недавняя история: период, следовавший за изменением характера отношений между церковью и государством был временем быстрого роста новых религиозных направлений и сект, большей частью не регистрируемых и не признаваемых государством: Истинно-православные христиане, Истинно-православная церковь, Чуриковцы, Молчальники, Секта красного дракона, Основное звено Христа, Леонтьевцы, Апокалипсисты, Божьи дети и т. д. В 1939 г. «Антирелигиозник» сообщил о 12 вновь созданных сектах на Украине ((67) стр. 22). В самое последнее время возникло движение баптистов «инициативников», которое, после неудачных переговоров с властями, перешло, повидимому, к деятельности без регистрации. (Две версии этих событий можно узнать из «Открытого письма» членов Узловской церкви Е.Х.Б. (68) и статьи В. А. Куроедова (7)).

Поэтому нам представляется, что нормальное развитие религиозной жизни является одним из основных условий существования государства. Закрытие половины всех действующих церквей наносит не меньший удар, чем нанесло бы закрытие половины всех институтов.

Здесь следует указать на один обнадеживающий факт. Весь период, начинающийся с отделения церкви от государства, отмечен цепью правительственных и партийных постановлений, осуждающих и запрещающих административное вмешательство в дела церкви, нарушение прав и оскорбление чувств верующих. Вот несколько примеров из большого числа. Циркуляр НКЮ РСФСР от 3 января 1919 г. (69) осуж-

дает произвольное закрытие церквей, запрещение проповеди в церкви на религиозные темы, отбирание церковных облачений и перешивание их на флаги, снятие серебряных риз с икон, аресты и обыски служителей культа во время богослужения, пожизненную административную ссылку духовенства и т. д. В 1922 г. директива ЦК РКП(б) предлагает «Ни в коем случае не применять по отношению к рядовому духовенству исключительных мероприятий, как напр., назначение на особенно тяжелые, грязные работы, как чистка отхожих мест, только на основании принадлежности к духовенству» (70). Постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. предлагает «Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения» (71). Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1964 «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (72) указывает на недопустимость каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в деятельность церкви.

Этот факт обнадеживает тем, что он указывает на ясное понимание вреда, который такие действия приносят обществу, и их бесполезность для борьбы с религией. С другой стороны, необходимость столь многочисленных постановлений является доказательством наличия существенных пробелов в законодательстве, которое должно было бы само регулировать отношения между церковью и государством.

Выход, очевидно, возможен только один:

Создание нового законодательства о религии и разработка правовых гарантий того, что это законодательство будет неукоснительно соблюдаться.

Для этого понадобится, конечно, обширная работа многих компетентных лиц — юристов и верующих. Мы же сейчас ограничимся тем, что укажем на некоторые наиболее очевидные положения, для существования которых, казалось бы, не видно никаких препятствий.

Принцип отделения церкви от государства и их невмешательства в дела друг друга дает основу для построения здоровых отношений между верующими и государством.

Основоположники коммунистического мировоззрения некогда неоднократно высказывали такую точку зрения, призывая к борьбе с любым вмешательством государства в религиозную жизнь:

«Почему русский рабочий мало ещё проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, травли сектантов...?» (В. И. Ленин (73) стр. 384).

«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными».

(Из подписанного В. И. Лениным и И. В. Сталиным обращения «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (56) стр. 69).

«Социал-демократы требуют, далее, чтобы каждый имел полное право исповедовать какую угодно веру совершенно свободно. Только в России, да в Турции из европейских государств остались ещё законы против людей иной, не православной веры, против раскольников, сектантов, евреев».

«Все эти законы — самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные. Каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, **но и распространять любую веру и менять веру**. Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого ни на есть о вере: это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться».

«...и пока эти меры не будут проведены без всяких оговорок и без всяких лазеек, до тех пор народ не освободится от позорных полицейских преследований за веру...» (В. И. Ленин (74) стр. 366).

Казалось бы, в государстве, руководимом коммунистической партией, именно эти принципы и должны лежать в основе законодательства о религии. В некоторых актах действительно можно видеть их осуществление. Так, в принятой

в 1918 г. Конституции РСФСР говорилось: «...свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 13), а в «Декрете» 1918 г.: «Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах...» (§ 10). Однако, трудно признать, что этот взгляд проведен в «Декрете» систематично: так, § 12 лишает церковные и религиозные общества прав юридического лица — ограничение, которое вовсе не распространяется на другие частные общества и союзы.

В основу законодательства и следует положить эти два принципа:

государство не должно вмешиваться во внутренние дела религиозных общин и церквей,

религиозные общины и церкви должны подчиняться тем же нормам, что и другие негосударственные добровольные общества, без какой-либо их дискриминации.

Сформулированные в Конституции и законах общие права верующих должны быть подкреплены рядом более конкретных положений, обеспечивающих реализацию этих прав.

Следует законом оградить внутреннюю жизнь религиозных обществ от вмешательства властей. Для этого в частности надо явно сформулировать фиксирующий характер регистрации религиозных обществ и священников — все претензии к их деятельности должны рассматриваться судом. Из законов следует удалить все положения, которые могут дать повод для дискриминации верующих. Если некоторое деяние само по себе наказуемо, нет оснований особо формулировать его наказуемость в связи с религиозной деятельностью. Религиозные общества должны иметь право созыва собраний своих членов без предварительного уведомления местных властей, иметь право налагать взыскания и устанавливать денежные сборы со своих членов — как и другие добровольные общества. Право организаций верующих расходовать свои средства на гуманитарные цели, практически эпизодически признаваемое, должно быть явно сформулировано. Религиозные общества должны иметь права юридического лица. Их финансовая жизнь должна быть ограждена от постороннего вмешательства.

Есть, конечно, специфические особенности религиозных обществ, выделяющие их из числа других добровольных обществ. Их следует предусмотреть в законе особо. Прежде всего здесь речь идет о таком важнейшем для верующих вопросе как проповедь и обучение религии.

Приведенное выше положение Конституции 1918 г., разрешающее религиозную пропаганду, было отменено в 1929 г.: XIV Всероссийский съезд Советов принял поправку к Конституции, согласно которой «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Это же положение вошло и в Конституцию 1936 г. (ст. 124). Какие могли быть причины такого изменения? В компетентном источнике (33) их приводится две: «...в целях пресечения контрреволюционной деятельности духовенства и ограничения распространения религиозных предрассудков...» (стр. 7). По поводу первой причины председатель Совета по делам религий при Совете Министров недавно (в 1969 г.) заявил: «Важным фактором нашей действительности мы считаем полную лояльность духовенства по отношению к Советскому государству. Духовенство в целом поддерживает внешнюю и внутреннюю политику Советского правительства. У нас нет разделения общества на верующих и неверующих. Те и другие являются патриотами Родины, строителями нового общества» (7). Что касается второй причины, то объявление религии «религиозным предрассудком» и законодательное ограничение её (или «его») распространения как раз и является прямым нарушением принципа свободы совести и отделения церкви от государства. Таким образом, сейчас не видно никаких оснований для сохранения этого положения.

Право родителей воспитывать детей в своей вере, гарантированное рядом соглашений, подписанных Советским Союзом, должно быть сформулировано в законе. Этому праву противоречит запрет группового обучения религии. Легко представить себе, как часто родители не в состоянии сами обучить детей своей религии ввиду занятости или недостатка нужных знаний. А священник просто не имеет возможности индивидуально обучать всех детей своего прихода.

С другой стороны, нет никаких идеологических препятствий к преподаванию религии, оно разрешено в ряде стран, где у власти находятся коммунистические партии. Например, в Венгрии, после принятия 18 августа 1949 г. новой конституции, президиум Венгерской Народной Республики постановлением 6 сентября 1949 г. отменил обязательное обучение религии в школе, заменив его добровольным, по желанию родителей. Этот порядок был подтвержден декретом от 23 марта 1957 г. (75). В Польше соглашение между правительством и католическим епископатом регламентирует факультативное преподавание религии в школе. При этом преподаватели оплачиваются государством. Разрешается давать уроки религии и вне школы (76).

Нет никаких оснований сохранять запрет факультативного преподавания религии. Факультативными должны быть и атеистические курсы. Вообще, из обязательного преподавания — как в высшей, так и в средней школе, необходимо исключить все, что делает обучение несовместимым с религиозными убеждениями.

Следует явно сформулировать право верующих беспрепятственно отправлять любые требы в своих домах и квартирах. Целесообразно привести наше законодательство в соответствие с рекомендациями Конгресса ООН по вопросу об обращении с правонарушителями, обеспечив право заключенных видеться со священниками. Следует обеспечить право находящихся в больницах верующих без особого разрешения приглашать священника и право священника отправлять требы в больницах. Необходимо восстановить право служить панихиды на кладбищах без особого на это разрешения.

Осуществление многих из этих мер должно найти у атеистов не меньшую поддержку, чем у верующих. Нельзя же признать последовательно атеистической точку зрения, исходящую из того, что крещение ребенка, появление священника или иконы в больнице, мощи святого в церкви оказывают загадочное действие независимо от того, признается ли это действие благотворным или вредным!

Существующее сейчас законодательство о религии сохранилось у нас от другой эпохи, оно было принято в сов-

сем другой атмосфере. Тогда священники были лишены избирательных прав — со всеми вытекающими отсюда для них и их семей последствиями. В те времена газеты печатали статьи, в которых религиозная деятельность приравнивалась к контрреволюции, на Пасху происходили демонстрации, во время которых сжигалось изображение Бога (77), (78), происходили суды над Богом (79), школьники голосовали Богу смертный приговор (80). Союз воинствующих безбожников объявил «безбожную пятилетку» 1932-37 гг. и планировал в 1935-36 гг. закрыть последние церкви, а с 1937 г. выкурить религию из всех щелей, чтобы имя Бога больше не произносилось в нашей стране. Все эти эксцессы отошли в прошлое, но законодательство, не пересматривавшееся с тех пор, хранит следы господствовавших тогда точек зрения. И сейчас запрет преподавания или проповеди религии является таким же анахронизмом, как объявление священника лишенцем или публичное сожжение изображения Бога на Пасху.

Переходя к применению законодательства, надо прежде всего принять все меры к уничтожению «негласных распоряжений», «телефонных указаний» и «непредъявляемых инструкций», которые опасны для государства не меньше, чем для религиозных общин. Необходимо опубликовать в открытой печати и сделать общедоступными все законы, постановления и инструкции, касающиеся религии. Целесообразно публиковать данные о всех поступающих заявлениях об основании религиозной общины с указанием принятого решения и причины отказа, если решение было отрицательным. Совет по делам религий надо превратить в орган сотрудничества между государством и религиозными организациями, привлекая к его работе и к контролю его работы верующих. Надо продумать, целесообразно ли поручать руководство Советом лицам, которых их убеждения обязывают бороться с религией.

Наконец, как и в других важных вопросах, невозможно изменить сложившееся положение, не осудив допущенные ошибки, не назвав их открыто, с полной гласностью и не исправив их по возможности. Поэтому необходимо вернуть религиозным объединениям те церкви и другие религиозные здания, монастыри и духовные школы, которые были закры-

ты в начале 60-х годов. Надо пересмотреть все поданные в 60-е и 70-е годы и отклоненные заявления о регистрации. В случаях, когда они были отклонены без законных оснований, надо зарегистрировать эти общины, а виновных в незаконных действиях наказать. Следует публично и с участием верующих расследовать те обвинения в нарушениях законов, которые содержатся в «Открытом письме» верующих Кировской области, «Письме монахов Почаевской лавры», «Открытом письме» членов Узловской церкви Евангельских Христиан Баптистов и других подобных документах.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

1. Об отделении церкви от государства и школы от церкви. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 января 1918 г.
2. О религиозных объединениях. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г.
3. О порядке проведения в жизнь законодательства о культах. Инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов от 30 января 1931 г.
4. Инструкция по применению законодательства о культах. Утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и постановлением Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР, 16 марта 1961 г.
5. Инструкция об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа. Утверждена Советом по делам религий при Совете Министров СССР, 31 октября 1968 г.
6. Л. Ф. Ильичев. "Выработка научного мировоззрения и атеистическое воспитание". Коммунист № 1, 1964.
7. "Известия", 17.X.1969 г.
8. "Правда о петербургских "святынях"" Лениздат, 1962.
9. USSR. Information Bulletin. Washington, jan. 1949, p. 54.
10. SСEРJ (Экуменическая служба прессы и информации). 23.1.1961 г.
11. В. Н. Чалидзе. Письмо Президиуму Верховного Совета СССР.
12. "Безбожник у станка" № 5, 1929 г. стр. 17.
13. "Безбожник у станка" № 3, 1930 г. стр. 7.
14. "Безбожник у станка" № 4, 1930 г. стр. 9.
15. Н. Н. Эшлиман и Г. П. Якунин. Заявление Председателю Президиума Верховного Совета Союза ССР. 13.XII.1965.
16. Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию от верующих Кировской области. Открытое письмо. Июнь 1966 г.

17. "Советская Молдавия". 13.XII.1960 г.
18. "Правда", 8.IV.1968 г.
19. "Комсомольская правда" 14.VI.1961 г.
20. "Новый Мир" № 5, 1967 г.
21. "Журнал Московской Патриархии". 3.III.1967 г., стр. 3.
22. "Советская Этнография" № 2, 1957 г.
23. "Коммунист", май 1960 г.
24. "Вопросы истории религии и атеизма", т. XI, 1963, стр. 67-137.
25. "Комсомольская правда", № 15, 1963 г., стр. 2.
26. "Советское государство и право", № 1, 1965 г.
27. "Известия", 31 марта 1922 г.
28. Р. Ю. Плаксин. "Крах церковной контрреволюции — 1917-1923 гг. М. 1968 г.
29. "Патриарх Сергей и его духовное наследство". Москва, 1947.
30. "Настольная книга атеистов". Москва, 1971.
31. П. В. Годулянов. "Отделение церкви от государства в СССР". Москва, 1926.
32. Н. Эшлиман и Г. Якунин. "Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси, Алексию. Открытое письмо". 13.XII.1965 г.
33. В. В. Ключков. "Борьба с нарушениями законодательства о религиозных культах". Издательство "Юридическая литература". Москва 1967.
34. "Русская православная церковь. Устройство, положение, деятельность". Издание Московской Патриархии. 1958.
35. "Наука и религия" № 8, 1962.
36. "Правда о религии в России". Москва, 1942.
37. О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г.
38. Нучман Аширов. "Эволюция ислама в СССР". М. 1972.
39. "Комсомольская правда". 6 июня 1963 г.
40. "Безбожник у станка" № 5, 1929 г., стр. 17.
41. "Наука и религия" № 2, 1961.
42. "Наука и религия" № 3, 1962.
43. "Комсомольская правда" 1 февраля 1964 г.

44. "О религии и церкви". Сборник документов.
45. Ф. П. Коровкин. "История древнего мира". Учебник для 5-го класса. М. 1972.
46. "Обществоведение". Учебник для выпускного класса средней школы. М. 1969 г.
47. "Русская литература". Учебное пособие для 9-го класса. Москва 1970 г.
48. "Основные вопросы научного атеизма". Издательство "Мысль". Москва 1966 г.
49. "Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами". Выпуск XXII. Москва, 1967 г.
50. "Львовская правда", 18.VIII.1964 г.
51. "Международные пакты о правах человека". **Published by United Nations Office of Public Information.**
52. "Львовская правда", 18.XI.1969 г.
53. "Сельская жизнь", 14 июня 1962 г.
54. "Учительская газета", 18 января 1964 г.
55. "Комсомольская правда" 29 ноября 1963 г.
56. "Законодательство о религиозных культах" (сборник материалов и документов). Изд. второе. Издательство "Юридическая литература". М. 1971 г.
57. "Мракобес". Статья в журнале "К новой жизни". Ежемесячный журнал для работников исправительно-трудовых лагерей № 2, 1971 г.
58. "Premier Congrès des Nations Unies pour la Prévention du Crime et le Traitement des Délinquants". Genève, 12 août — 3 septembre 1955.
59. "Известия", 8.V.1955 г.
60. "Журнал Московской Патриархии" № 3, 1955 г.
61. То же, 1953, стр. 27.
62. То же, № 1, 1956.
63. Постановление Совета Министров СССР от 10 мая 1963 г., № 36.
64. "Ежегодник музея истории религии и атеизма", VII, 1964 г. стр. 110.
65. "Мы порвали с религией. Рассказы бывших верующих". Москва, 1961 г.

66. "Наука и религия" № 9, 1960.
67. "Антирелигиозник" № 5, 1939.
68. "Открытое письмо Генеральному Секретарю Объединенных Наций У Тану членов Узловской церкви Евангельских Христиан Баптистов".
69. Циркуляр Н.К.Ю. РСФСР от 3 января 1919 г. по вопросу об отделении церкви от государства.
70. Директива ЦК РКП(б) советским и партийным органам по вопросу об отношении к сектам и политики в отношении религиозных групп вообще (1922 г.).
71. "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении". Постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г.
72. "Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения". Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г.
73. В. И. Ленин. "Что делать?" Собрание сочинений, изд. 4-е, т. 5.
74. В. И. Ленин. "К деревенской бедноте". Собрание сочинений, изд. 4-е, т. 6.
75. Lutheran World Federation. June 15, 1957.
76. La Documentation Catholique. N° 1245, 1957.
77. "Известия" 10 января 1923 г.
78. "Правда" 4 мая 1923 г.
79. "Безбожник" 21 января 1923 г.
80. "Правда" 11 апреля 1923 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
В В Е Д Е Н И Е	5
I. СОЗДАНИЕ И ЛИКВИДАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЫ	
§ 1. Создание религиозной общины. Законы и инструкции	9
§ 2. Создание религиозной общины. Из сообщений о практике	13
§ 3. Ликвидация религиозной общины. Законы и инструкции	18
§ 4. Ликвидация религиозной общины. Из сообщений о практике	21
II. ЖИЗНЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЫ	
§ 1. Права и обязанности общины	27
§ 2. Организационные и хозяйственные вопросы	37
§ 3. Верующие	42
Крещение	44
Дети	47
В институте	51
Воспитание детей	53
Церкви, духовная литература	56
Болезнь, смерть, погребение	56
§ 4. Священники	60
III. В Ы В О Д Ы	66
Б и б л и о г р а ф и я	77

L'Imprimerie Beresniak — Paris XI*

Avril 1973

